

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПСИХО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ И СПОСОБОВ ИХ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Стан сучасного дитинства і обставини, що його зумовлюють, дедалі більше становлять центр уваги дослідників. Стаття подає результати факторного аналізу впливу різних освітніх концепцій (розвиваючого і традиційного типів навчання) на особливості емоційних станів та їх саморегулювання у дітей молодшого шкільного віку, а також – впливу зміни розвиваючого навчання на традиційне в період переходу дітей з початкової школи до середньої.

Состояние современного детства не может не вызывать серьезных опасений у думающей части общества. Такие симптомы как деградация сюжетно-ролевой игры, рост частоты соматических и психоневрологических отклонений, детская преступность, хронический кризис системы образования, сопряжённый с правовыми, экономическими и социально-психологическими проблемами, длительное сохранение психологической инфантильности явно свидетельствуют о неблагополучии в системе детской жизни. Одно из направлений попыток позитивно изменить ситуацию представлено разработками нового содержания и методов обучения и образования. Причём в последние годы авторы проектов акцентируют необходимость реконструкции именно образовательной системы в целом как наиболее широкого контекста детского развития, в то время как реконструкции методов обучения отводится более частная и подчинённая роль (1). Однако на настоящий момент теоретически и методически наиболее разработанной является теория учебной деятельности В.В. Давыдова, представляющая новое содержание и методы обучения, в то время как идеи реконструкции образования пока что, к сожалению, существуют на уровне общих принципов (1; 4; 5). Относительно теории учебной деятельности и развивающего обучения (РО), базирующегося на ней, В.В. Давыдов отмечал, что главное внимание исследователей во многом уделялось строению учебной деятельности, характеру учебных задач и учебных действий, тогда как психологические особенности самого субъекта учебной деятельности изучались очень мало, и теперь пришло время уделить этому аспекту проблемы особое внимание (3).

Целью нашей работы было изучение психоэмоциональных особенностей детей, обучавшихся по типу РО, в условиях смены типа

обучения на традиционный, общепринятый в существующей системе образования (ТО), при переходе из начальной школы в среднюю.

Исследование проводилось на базе классов РО и ТО средних школ №1 и №19 г. Харькова в 1993-96 г.г. и охватило 272 ученика третьих, пятых и sixth классов (57 из них участвовали в лонгитюдном исследовании). 136 учеников в начальной школе работали по программам развивающего обучения (РО), 136 – учились по традиционным программам (ТО). Обучение всех детей в средней школе осуществлялось в рамках ТО. Испытуемые образовали шесть экспериментальных групп: третьеклассники, обучавшиеся по экспериментальным программам (РО-3, 24 ученика), пяти- и шестиклассники, обучавшиеся в начальной школе по экспериментальным программам (РО-5, 69 учеников, и РО-6, 59 учеников соответственно, из них 16 детей принимали участие в лонгитюдном исследовании) и так же третье-, пяти- шестиклассники, обучавшиеся в начальной, и в средней школе по традиционным программам (ТО-3, 27 учеников; ТО-5, 76 учеников; ТО-6, 74 ученика соответственно, из учеников пятых и sixth классов 41 участвовал в лонгитюдном исследовании).

В качестве методического инструментария нами были использованы графически-проективные методики “Дом-Дерево-Человек” в адаптации Р.Ф.Беляускяйте (ДДЧ, 8 показателей) и “Рисунок несуществующего животного” М.З.Дукаревич (РНЖ, 19 показателей). Показатели методики ДДЧ количественно обрабатывались стандартным образом. Для количественной оценки показателей методики РНЖ применялась 2-балльная шкала (0-1) за исключением показателей “тревожность” и “агрессивность”, которые оценивались с помощью 4-балльной шкалы (от 0 до 3).

Анализ групповых средних значений измеряемых показателей и значимости различий между экспериментальными группами представлен в предыдущих публикациях (2). Для выявления ведущих показателей и связей между ними, отражающих влияние образовательных технологий и их смены на эмоционально-регулятивные особенности детей младшего школьного возраста, групповые матрицы данных (показатели $\times$ индивидуальные значения) были подвергнуты факторной обработке методом главных компонент с вращением по типу Varimax gaw. Факторный анализ данных, полученных в группе РО-3, выявил 9 значимых факторов, в группе ТО-6 – 6 значимых факторов, в остальных группах (ТО-3, РО-5, ТО-5, РО-6) – по 7 значимых факторов. Моно- и биполярных факторов выявлено приблизительно одинаковое количество.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАКТОРНЫХ СТРУКТУР

Группа РО-3. В 1-й фактор *Отношения к себе*, объясняющий 14% общей дисперсии, с максимальными весовыми нагрузками вошли показатели “недоверие к себе – конформность суждений” в оппозиции к “тревожности” (здесь и далее показатели даны в порядке убывания их факторной нагрузки). Содержание этого фактора отражает отношение ребёнка к себе, причём с негативным оттенком: подозрительности, направленной на себя, неуверенности в правильности своих действий и отношений, компенсируемым некритичным принятием мнения окружающих, противостоит склонность переживать чувство беспомощности и бессилия перед неопределёнными, но оцениваемыми как неблагоприятные обстоятельства. **2-й фактор** *Отношения к своим действиям* (11,2%) образован показателями “негативная оценка своих действий – защита от вышестоящих с агрессией” и отражает отношение ребёнка к своему поведению. При этом идентификация взрослых как источника неприятностей и противостояние с ними позволяет сохранить самоуважение без изменения своего поведения. **3-й фактор** *Страх* (10,2%) включает показатели “страхи – вербальная агрессия”. На наш взгляд, вербальная агрессия в данном случае выполняет, аналогично 2-му фактору, защитно-компенсаторную функцию, создавая субъективное впечатление бесстрашия. Содержание **4-го фактора** *Тревожной защиты* (9%) задано показателями “защита недифференцированная с тревогой” на отрицательном полюсе и “защита от вышестоящих с тревогой” – на положительном” и выражает отношение ребёнка с окружением: ребёнок воспринимает свою позицию как угрожаемую и вынужден опасаться либо нелокализованной неприятности, либо ограничений и принуждения, исходящих от конкретных взрослых. В **5-м факторе** *Отношений со сверстниками* (8,5%) наибольшие нагрузки получили показатели “защита от нижестоящих с агрессией – агрессивность” – на одном полюсе и “фрустрация” – на другом. Здесь действенное стремление поддержать (хотя и неадекватным способом) самоуважение в ситуации угрозы, идентифицируемой как исходящей от сверстников, противостоит пассивному переживанию обиды. **6-й фактор** *Бессилия* (7,4%) содержит противопоставление переживания неспособности справиться с неблагоприятными обстоятельствами, возникающего после неудачных попыток (“чувство неполноценности – астеничность”), и отказа от попыток преодолеть обстоятельства в связи с тем, что субъективно они воспринимаются как преувеличенно сложные и опасные (“тревожность”). Содержание **7-го фактора** *Беззащитности* (6,6%) определяется показате-

лями “незащищённость — депрессивность” и состоит в понимании необеспеченности своих потребностей и притязаний, сопровождающемся негативными эмоциональными переживаниями, апатией и чувством бесперспективности. **8-й фактор Самореализации** (5,3%) задан оппозицией “социальной пассивности — негативной оценки своей идеальной продукции” к “социальной активности — тревожности”. Содержание этого фактора довольно противоречиво: с одной стороны подавленность, нерешительность и отказ от социальных притязаний сочетаются с недовольством своей пассивностью и отсутствием социальной “проворности”, утратой возможностей, а с другой — реализацию стремления к самоутверждению тормозит неуверенность в себе. И в **9-м факторе Отчуждения** (5,1%) показателям “враждебность — социальная активность” противоположны “трудности общения — астеничность”. Содержание этого фактора образовано недоброжелательными и неприязненными установками по отношению к окружающим при стремлении самоутвердиться, возвыситься, то есть отделиться и размежеваться с окружающими как недостойными общения, в противовес невозможности поддержать нормальный уровень общения из-за повышенной чувствительности и раздражительной слабости.

Группа ТО-3. 1-й фактор Тревожной защиты (14,4%) образован показателями “защита от нижестоящих с тревогой — защита от вышестоящих с тревогой — негативная оценка своей идеальной продукции — защита недифференцированная с тревогой”. Содержание этого фактора аналогично 4-му фактору, выявленному в группе ТО-3, но с той разницей, что дети испытывают настороженность и по отношению к сверстникам, и по отношению к взрослым, и по отношению к любым внешним поступлениям. **2-й фактор Агрессивной защиты** (12%) включал показатели “защита от нижестоящих с агрессией — защита от вышестоящих с агрессией — агрессивность” в оппозиции к “защите недифференцированной с тревогой”. Он близок по содержанию к предыдущему фактору: выражает отношение детей к сверстникам и взрослым как к источникам угрозы и неприятностей, но которые желательно уничтожить, иначе останется только опасаться всего и вся. **3-й фактор Отношения к своим действиям** (10,4%) содержит противопоставление “негативной оценки своих действий — астеничности — трудностей общения — поверхностности суждений — чувства неполноценности” и “незащищённости”. Данный фактор сходен со 2-м фактором в структуре РО-3, хотя и получает несколько иное содержание: неудовлетворённость своими действиями сочетается не со стремлением компенсировать её защит-

ной агрессией, а с истощённостью и желанием ни во что не вникать в связи с ощущением бесполезности подобных усилий, в противовес переживанию невозможности получить поддержку. Другими словами, здесь прослеживается переживание полного фиаско: “сам для себя я ничего сделать не могу, и на других тоже рассчитывать нечего”. Содержание **4-го фактора Конформности** (9,4%) задано показателями “конформность суждений – агрессивность” на одном полюсе и “чувство неполноценности” – на другом и отражает стремление не выделяться, “быть, как все”, чтобы пережить сопричастность, в противовес неспособности справиться с ситуацией самостоятельно. В **5-й фактор Самореализации** (8,3%) вошли показатели “социальная пассивность – негативная оценка своей идеальной продукции” в оппозиции к “социальной активности – фрустрации”. Содержание этого фактора почти полностью совпадает с содержанием 8-го фактора в структуре РО-3 при том отличии, что дети ТО-3 готовы к мобилизации усилий при столкновении с препятствиями. В **6-м факторе Вербальной агрессии** (7,6%) наибольшие нагрузки получили на одном полюсе “вербальная агрессия – незащищённость – трудности общения”, на другом – “защита недифференцированная с тревогой”. Здесь склонность огрызаться, грубить в ответ на обращение скорее всего является компенсацией ощущения необеспеченности своих потребностей и отсутствия адекватных средств общения, своего рода способом самоутверждения, в оппозиции к опасливости и настороженности по отношению к любым воздействиям извне. **7-й фактор Бессилия** (6,2%) задан показателями “тревожность – депрессивность – чувство неполноценности”, подобно 6-му фактору в структуре РО-3: преувеличение силы и опасности обстоятельств заставляет детей только ожидать неблагоприятного развития событий при ощущении неспособности с ними справиться.

Группа РО-5. В 1-й фактор Агрессии (9,9%) вошли показатели “агрессивность – вербальная агрессия – враждебность”. По-видимому, смена образовательной технологии оказалась для детей весьма травмирующим событием, породившим регрессивные приёмы снятия напряжения. **2-й фактор Тревоги** (9,2%) образован показателями “защита недифференцированная с тревогой – тревожность” и отражает переживание страха перед непонятными, но неблагоприятными, обстоятельствами, снижающими уровень самоуважения. **3-й фактор Бессилия** (7,1%) включает показатели “чувство неполноценности – депрессивность” и очерчивает круг состояний, характеризующихся ощущением неспособности, несмотря на предпринятые попытки, справиться с жизненной ситуацией, подавленностью, чув-

ством бесперспективности (сходные факторы обнаружены и в выше описанных группах). Содержание **4-го фактора Застенчивости** (6,5%) задано показателями “трудности общения – негативная оценка своей идеальной продукции – недоверие к себе”, что свидетельствует о наличии проблем в установлении и поддержании контактов при недовольстве своей нерешительностью и недостаточном самопринятии. По **5-му фактору Склонности к анализу** (6,2%) наибольшие весовые нагрузки на отрицательном полюсе получили показатели “поверхностность суждений – астеничность”, на положительном – “незащищённость”. Содержание этого фактора образовано на одном полюсе нежеланием размышлять над происходящим, легкомысленностью и импульсивностью выводов, связанными с быстрой истощаемостью усилий, а на другом – осознанием и переживанием небеспеченности своих основных потребностей. **6-й фактор Тревожной защиты** (6%), как и в первых двух группах, описывает отношения с взрослыми и детьми из позиции угрожаемого, ожидающего насмешек или санкций (“защита от нижестоящих с тревогой – защита от вышестоящих с тревогой”). **7-й фактор Конформности** (5,5%) образован показателями “конформность суждений – социальная активность”. По содержанию он похож на 4-й фактор в структуре ТО-3, но имеет другую окраску: принятие мнений и установок окружающих выступает в качестве средства, позволяющего реализовать свои притязания, хотя и в рамках социального стандарта, что сделать легче, если не тратить дополнительные усилия на противостояние с социумом.

Группа ТО-5. В 1-й фактор Агрессии (13%) вошли показатели “агрессивность – защита от вышестоящих с агрессией – вербальная агрессия”. Он аналогичен 1-му фактору в структуре РО-5, но агрессивные действия, намерения и высказывания, которые он содержит, более конкретно ориентированы на взрослых. Вероятно, фактор Агрессии генетически связан с 2-м фактором Агрессивной защиты в структуре ТО-3, являясь преобразованием и закреплением уже намечившейся тенденции. **2-й фактор Склонности к анализу** (8,4%) образован показателями “поверхностность суждений – трудности общения – астеничность” и описывает склонность к импульсивности, эмоциональности, легкомысленности в выводах и решениях. Но если в подобном факторе в структуре РО-5 (5-й фактор) мы имеем дело с ориентацией на себя, то в данном случае ориентация скорее коммуникативная: слабый контроль над своими рассуждениями обобщается категоричностью в оценке и суждениях о других людях, и хотя это и экономит усилия, но одновременно препятствует нор-

мальным взаимоотношениям с окружающими. **3-й фактор Агрессивной защиты** (7,6%) включает показатели “защита недифференцированная с агрессией – негативная оценка своей идеальной продукции” на отрицательном полюсе и “страх” – на положительном. Фактически здесь представлена оппозиция активной готовности отвечать на любые подозрительные воздействия извне, неопределённость, нелокализованность источника которых усиливает и без того негативный эмоциональный фон, и пассивного переживания, предвосхищения конкретной опасности. **4-й фактор Конформности** (6,5%) задан противопоставлением показателей “конформность суждений – позитивная оценка своих действий” показателю “защита от нижестоящих с тревогой”. Другими словами, принятие мнений и установок среды сверстников (“своих”), дающее большую уверенность в своих поступках, составляет альтернативу насмешкам, осуждению и непопулярности у сверстников. По **5-му фактору Беззащитности** (6%) наибольшую нагрузку на одном полюсе получили показатели “незащищённость – враждебность – тревожность”, на другом – “позитивная оценка своей идеальной продукции”. То есть, с одной стороны репрезентированы несбывшиеся надежды на покровительство и заботу других людей о потребностях индивида, с другой – самоподбадривание и самоподдержка (“сам себе не поможешь – никто не поможет”). Содержание **6-го фактора Самореализации** (5,7%) заключается в активном стремлении самоутвердиться, добиться социального признания, в одобрении своих планов (“социальная активность – позитивная оценка своей идеальной продукции”). **7-й фактор Бесперспективности** (5,3%) отражает эмоциональные состояния, вызываемые столкновением с трудностями объективного порядка: переживание неудачи, непреодолимости препятствий, раздражение, подавленность (“фрустрация – депрессивность”).

Группа РО-6. В 1-й фактор Тревожной защиты (14,6%) вошли на отрицательном полюсе показатели “защита от вышестоящих с тревогой – тревожность – защита недифференцированная с тревогой”, на положительном – “конформность суждений”. Очевидно, что этот фактор описывает отношения детей с взрослыми – напряжённые и опасливые. Взрослый воспринимается как источник ограничений и принуждения, которым дети оказывают сопротивление. Последнему противостоит подчинение, принятие требований и установок взрослых. **2-й фактор Самореализации** (9,3%) образован показателями “тревожность – социальная пассивность – фрустрация” в оппозиции к “социальной активности – позитивной оценке своих действий”. Он отражает установку на снижение социальных притя-

заний и самооправдание своей пассивности преувеличением сложности обстоятельств в противовес установке на социальное продвижение и самоутверждение в сочетании с одобрением своих действий.

3-й фактор *Отношений со сверстниками* (8%) включает показатели “защита от нижестоящих с агрессией — защита от нижестоящих с тревогой — негативная оценка своей идеальной продукции” и выражает стремление защитить самоуважение, угроза которому идентифицирована как исходящая от сверстников. Причём в вопросе защиты, как оказывается, все средства хороши, и сожаление у детей вызывает только собственная нерасторопность в их использовании.

Содержание **4-го фактора** *Отношения к себе* (7.7%) заключается в недостаточном принятии себя, неуверенности в правильности своих намерений и действий, ощущении невозможности рассчитывать ни на себя, ни на кого-либо другого (“недоверие к себе — незащищённость”).

5-й фактор *Склонности к анализу* (6,3%) задан показателями “астеничность — поверхностность суждений” на одном полюсе и “защита от вышестоящих с агрессией” — на другом. Содержательно это означает противопоставленность истощённости, ослабленности и вытекающего из них нежелания (неспособности) глубоко вникать в информацию и принимать обоснованные решения предпочтению исказить в своём восприятии информацию о реальности ради избавления от дискомфорта (таким образом, усилия переключаются с размышлений на самооборону).

По **6-му фактору** *Агрессивной защиты* (5,9%) наибольшую нагрузку получили показатели “защита недифференцированная с агрессией — враждебность — агрессивность — вербальная агрессия”, что ещё раз свидетельствует о дисгармоничности детских отношений с окружающими сообществами: восприятия своей позиции как угрожаемой и готовности действовать в ущерб другим.

Содержание **7-го фактора** *Отношения к своим размышлениям* (5,5%) образовано показателем “позитивная оценка своей идеальной продукции”, то есть, самоодобрением и самоподдержкой.

Группа ТО-6. В **1-й фактор** *Агрессии* (12,8%) вошли показатели “агрессивность — защита от вышестоящих с агрессией — защита недифференцированная с агрессией”. По содержанию он почти полностью пересекается с 1-м фактором в группе ТО-5, причём круг объектов агрессии имеет тенденцию к расширению.

2-й фактор *Напряжённости* (8,3%) образован показателями “тревожность — фрустрация” на отрицательном полюсе и “вербальная агрессия — защита недифференцированная с агрессией” на положительном и отражает разные стратегии регуляции психического напряжения: накопление

напряжения в беспокойном ожидании и преувеличении неприятностей и трудностей и утилизацию (разрядку) напряжения в словесных перепалках. **3-й фактор** *Отношения к своим действиям* (8,1%) задан показателями “позитивная оценка своих действий” в оппозиции к “враждебности — вербальной агрессии”. В отличие от аналогичных факторов в структурах РО-3 и ТО-3 данный фактор имеет другую окраску — самоодобрения и самоподдержки. Но альтернативу им составляет неприязненное отношение к другим как наиболее простой и контрастный фон для позитивного отношения к себе. **4-й фактор** *Беззащитности* (7%) содержит противопоставление показателей “незащищённость — страхи” и “депрессивность — поверхностность суждений” и выражает противостояние открытости — закрытости для восприятия и переработки негативного опыта. Следует заметить, что его консервация только усиливает отчаяние. По **5-му фактору** *Тревожной защиты* (6,2%) максимальные нагрузки получили показатели “защита от вышестоящих с тревогой — тревожность — защита недифференцированная с тревогой — защита от нижестоящих с тревогой”. **6-й фактор** *Самореализации* (6%) включал показатели “социальная активность — конформность суждений — негативная оценка своих действий”. Его содержание концентрируется в стремлении добиться одобрения и признания окружающих, что вынуждает детей подстраиваться под принятый в традиционной системе образования стереотип послушания.

Нам хотелось бы отметить, во-первых, наличие во всех группах большого количества сходных факторов, особенно таких, как факторы Агрессии, Агрессивной защиты, Тревожной защиты, Бессилия, Беззащитности (хотя во многих структурах присутствует и фактор Самореализации). Это единообразие вероятнее всего обусловлено общностью социо-культурного и образовательного контекстов: несмотря на различия методов обучения и содержания отдельных учебных предметов детское развитие протекает в рамках одной и той же образовательной системы, одной и той же социальной ситуации, а значит — одной и той же системы детско-взрослых отношений, которые, как показывают и результаты эксперимента, и полевые наблюдения, страдают от недостатка конструктивности и гармоничности (более того, учеников РО эти отношения ожидают даже не за дверью школы, а уже за дверью класса!). Неустроенность детско-взрослых отношений и отсутствие позитивного образца (“невьявленность” образа идеальной взрослости (5)) порождают совершенно определённые эмоциональные состояния детей (дискомфорт, чувство заброшенности) и способы их регуляции (искажение восприятия реальности, проти-

востояние, обвинение или замыкание, апатию). В целом эта картина иллюстрирует ситуацию кризиса, переживаемого современным детством (5). Он проявляется в нарушении связей между детским и взрослым сообществами, о чём в частности свидетельствует тот факт, что агрессия и психологическая защита часто направлены именно на взрослое окружение, а поскольку образец отношений задан в негативном плане, это соответственно сказывается и на взаимоотношениях внутри самого детского сообщества (они так же носят характер агрессивной самозащиты).

Во-вторых, специфика групп РО и ТО выражается в разной степени значимости сходных факторов, различии оттенков их содержания и в наличии характерных факторов. Так если в группе РО-3 двумя наиболее сильными факторами являются Отношение к себе и Отношение к своим действиям, то в группе ТО-3 – факторы Тревожной защиты и Агрессивной защиты, в то время как фактор Отношения к себе вообще отсутствует, а фактор Отношения к своим действиям лишь третий по значимости. В группе РО-3 фактор Тревожной защиты является 4-м и отражает противостояние с взрослыми, фактор Отношений со сверстниками (5-й) содержит агрессивные тенденции. В группе ТО-3 аналогичного фактора нет, а факторы Тревожной и Агрессивной защиты объединяют отношение и к сверстникам, и к взрослым. То есть, дети РО в третьем классе выступают как более рефлексивные и более дифференцированно воспринимающие действительность, дети же ТО – как более склонные к искажениям и неадекватной атрибуции ответственности. С переходом в пятый класс ситуация в группе РО резко меняется: исчезают факторы Отношения к себе, Отношения к своим действиям и Самореализации. На первых трёх позициях оказываются факторы Агрессии, Тревоги и Бессилия. Появляются новые для групп этого типа факторы Застенчивости, Склонности к анализу (правильнее было бы сказать – несклонности, см. описание) и Конформности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что смена типа обучения оказывается мощным стрессовым, травмирующим, обуславливающим регрессию обстоятельством, порождающим к тому же диссонирующие тенденции: и враждебно-настороженное отношение к окружению, и одновременно – желание продемонстрировать лояльность. Параллельно с этим в группе ТО получают дальнейшее развитие следующие моменты:

- 1) фактор Агрессивной защиты, объединяющий конкретные установки по отношению к взрослым и сверстникам расслаивается на одинимённый, более слабый и содержащий недифференцированные ориентации, и фактор Агрессии, наиболее сильный в структуре ТО-5,

содержащий отношение к взрослым; 2) сохраняются факторы Конформности и Самореализации; 3) появляются новые факторы – Склонности к анализу, Беззащитности и Бесперспективности. В шестом классе бывшие ученики РО (группа РО-6) переживают своего рода “ренессанс”: восстанавливается фактор Самореализации (2-й по значимости), фактор Отношения к себе (4-й по значимости), появляется хотя и слабый, но уникальный фактор Отношения к своим мыслям. Самым сильным оказался фактор Тревожной защиты, он теперь отражает отношения детей с взрослым сообществом, функционирующие в рамках оппозиции оборона – подчинение. Относительно новый для групп РО фактор Агрессивной защиты занимает предпоследнее, 6-е, место по значимости. В данной структуре отсутствуют факторы Агрессии, Тревоги и Бессилия (фактор Конформности как бы “слипается” с фактором Тревожной защиты). В контрольной группе ТО-6 наиболее значимым остаётся фактор Агрессии, вновь появляются факторы Отношения к своим действиям (исходя из содержания которого очевидно, что позитивность по отношению к себе у детей ТО возможна только на фоне недоброжелательного отношения к другим) и Тревожной защиты. Сохраняются факторы Беззащитности и Самореализации, последний оказывается самым слабым. То есть, в шестом классе бывшие дети РО выглядят более социально адаптированными (устроенными, приемлемыми) и продуктивными, чем дети ТО.

Итак, на основании выше изложенного, мы полагаем, можно сделать вывод о том, что смена типа обучения при переходе из младшей школы в среднюю для детей РО является тяжёлым психотравмирующим событием, порождающим целый веер негативных эмоциональных состояний и соскальзывание к более примитивным способам саморегуляции и построения отношений с окружающими. К шестому классу острота этих переживаний снижается, в основном за счёт реализации стремления самоутвердиться, самовыразиться в нормативно ожидаемых формах. При этом бывшие дети РО, несмотря на пережитые коллизии, демонстрируют большую по сравнению с детьми ТО конструктивность и социабельность, что на наш взгляд является ещё одним из позитивных эффектов развивающего обучения.

Литература:

1. Асмолов А.Г., Ягодин Г.А. Образование как расширение возможностей развития личности. // Вопр. психологии, 1992, № 1-2. С. 6-13.
2. Гимаева Ю.А. Особенности взаимодействия образовательных технологий и динамика личностных образований. // Вестник Харьковского гос. университета, №391. Серия “Психология”. Харьков, 1997. С. 90-97.

3. Давыдов В.В. Учебная деятельность: состояния и проблемы исследования. // Вопр. психол. 1991, № 6. С. 5-13.
4. Степанов С.Ю., Похмелкина Г.Ф., Колошина Т.Ю., Фролова Т.В. Принципы рефлексивной психологии педагогического творчества. // Вопр. психологии, 1991, № 5. С. 5-15.
5. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития. // Вопр. психологии, 1992, № 3-4. С. 7-13.

В. В. Гречко

ТИПОЛОГИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛИЦАМИ, ОТЯГОЩЕННЫМИ ПАРАФИЛИЯМИ

У статті подано результати дослідження сексуально поведінкової активності у осіб з парафіліями, що відбувають покарання за скоєння сексуальних злочинів. Надано типологію кримінального прояву парафільного потягу в залежності від вибору активності.

Нами было обследовано 184 человека, осужденных за совершение различных видов сексуальных преступлений, детерминантой которых служили парафилии.

В связи с тем, что исследование сексуальных преступлений представляет собой одну из наиболее значимых криминологических проблем, его результаты должны быть использованы для повышения эффективности борьбы с преступностью.

Полученная нами научная информация позволяет на качественном ином уровне решать такие существенные криминологические проблемы, как степень достоверности участия подозреваемого лица в совершении расследуемого сексуального преступления на этапах последственной проверки и предварительного следствия.

Сексуальные действия, как любой поведенческий акт, имеют непосредственной побудительной силой актуальную потребность, которая трансформируется в конкретный мотив и предметную цель. Проявление парафилий обусловлено у человека процессами, протекающими в высших отделах центральной нервной системы, определяет поведенческие формы и выбор активности в их реализации.

Если действия человека определяются мотивами и задачами, которые он ставит перед собой, то выбор активности как поведенческий стиль характеризуется манерой и излюбленными приемами, используемыми для достижения цели.

Эта поведенческая активность, искаженная различными клиническими проявлениями парафилий, определяет манеру и приемы сек-

суального поведения, свойственного конкретному лицу, может быть применима к любому человеку, независимо от его прошлого опыта и текущего состояния, может быть видоспецифической.

На основании проведенных исследований мы предлагаем типологию криминального проявления парафильного влечения в зависимости от выбора активности.

<i>Тип поведенческой активности</i>	<i>Всего n=184 обследованных</i>
I. Направленность активности	
а) на живых людей	n=169
б) на трупы людей	n=7
в) на животных	n=2
г) на вещи	n=4
д) на себя	n=2
II. Коммуникативность активности	170
III. Дистанционность активности	
а) контактная	n=173
б) бесконтактная	n=11
IV. Регрессивность активности	n=27
V. Стереотипность активности	n=76

По направленности активности используются представления об основных направлениях этогенеза (развития поведенческих паттернов). Поскольку процесс развития канализирован генетическими и конституциональными факторами, то в каждый онтогенетический отрезок времени наблюдается определенное эпифенотипическое свойство развивающегося организма. Это означает, что каждому периоду развития присуща некоторая определенность набора поведенческих паттернов.

В наших исследованиях мы придавали значение:

- 1) освоению пространства собственного тела (манипуляции с телом);
- 2) освоению экстракорпорального пространства;
- 3) коммуникативности поведения.

Активность коммуникативного компонента поведения рассматривали как один из критериев наличия обратной связи.

Если при направленности поведения на неживой предмет ответ на вопрос о наличии обратной связи очевиден, то при выборе в качестве объекта других людей дело обстоит сложнее: например в динамике эксгибиционизма можно заметить, что требуемая в начале реакция испуга сменяется на предпочтение насмешки, унижения, а затем реакция жертвы перестает влиять на поведение. Исчезновение коммуникативного компонента — важный критерий динамики.

По дистанционному критерию (наличие дистанции между преступником и жертвой) мы выделяем среди парафилий контактные и бесконтактные.

К последним можно отнести поведение, связанное с демонстрацией половых органов (эксгибиционизм), подсматривание за сексуальными действиями или обнаженными частями тела (скопофилия), подслушивание (эксаудиризм) и др.

Можно заметить, что общим для проявления бесконтактной активности, кроме расстояния между субъектом и объектом, является вытекающее из этого обстоятельство преимущественного использования дистантных анализаторов (зрительного, слухового, обонятельного). Сюда же следует отнести "психический" садизм или мазохизм.

К контактными формам проявления активности следует отнести все виды поведения, связанные с непосредственным контактом преступника и жертвы, например, физические истязания жертвы при садистических действиях, коитус при изнасиловании, ощупывание половых органов при педофилии. При этих видах поведения подключается тактильная модальность.

Под регрессивностью мы понимаем проявление активности в элементах поведения, свойственных более ранним этапам онтогенеза, чем тот, в котором находится наблюдаемый индивид. Ряд садистических действий над жертвами и некросадистических над трупами, расчленение, вскрытие и т. п., сходны с действиями ребенка, из любопытства разбирающего игрушки.

Психоаналитики приводят как возврат к "оральной" стадии проявления каннибализма.

Регрессивность проявляется в поведенческой деятельности педофила при разглядывании и манипулировании с детскими гениталиями — паттерн этого поведения в норме возникает в возрасте 4-5 лет.

Стереотипность в проявлении активности сексуального поведения характерна для большинства лиц с парафилиями, выражается в прогнозировании их действий, проявляется в стремлении осуществлять определенную деятельность, например в анальном коитусе или фелляции.

Стереотипность в проявлении активности часто связана с определенной окружающей обстановкой. Так серийный маньяк, совершивший ряд нападений на девочек-подростков на территории Алексеевского жилого массива г. Харькова, описывал возникновение влечения к нападению, когда он находился внутри микрорайонов, окруженный высотными домами, в иных районах города такого желания не возникало.

У многих серийных преступников в виде стереотипа отмечался феномен неоднократного возвращения на место преступления, где окружающая обстановка способствовала запуску воспоминаний.

Можно сделать вывод о том, что многообразие клинических проявлений парафилий при совершении уголовно наказуемых деяний простирается от сексуального поведения, близкого к нормативному (как, в частности, при раптофилии, когда обычный гетеросексуальный половой акт просто предваряется обязательным принуждением к нему), до немотивированных и внешне лишенных смысла нападений с нанесением множественных ранений или убийствами, что заставляет искать достаточно простые и в то же время фундаментальные принципы классификации видов активности. На данном этапе развития психологии проведенное исследование представляет определенные шаги к этому, учитывая, разумеется, что предлагаемая классификация не может быть исчерпывающей.

Список литературы:

1. Александров А. А. Типология делинквентного поведения при психопатиях и акцентуациях характера. М. 1981.
2. Вилюнас В. К. Психологические механизмы биологической мотивации. М. изд. МГУ, 1986.
3. Гульман Б. Л. Сексуальные преступления. Х. ИМР Рубикон, 1994.
4. Ткаченко А. А. Аномальное сексуальное поведение. М. РИО ГНЦ С и СП им. Сербского, 1997.

И.М. Дубовик

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ О ВОЗМОЖНОСТЯХ МУЗЫКОТЕРАПИИ

В цій статті мова йде про вплив музики на психофізіологічні процеси організму людини та про ефективність використання метода музикотерапії для корекції психоемоційного стану.

В седой древности уже было известно удивительное действие, которое оказывает музыка на все живое, та власть, которую имеет она над чувствами и настроениями людей. Наши предки использовали это свойство в различных жизненных обстоятельствах, в том числе и при лечении больных.

В легендах и мифах, в античной литературе можно встретить немало примеров, свидетельствующих о широком применении музыкотерапии. В Греции, например, связывали ее с именем Аполлона – покровителя искусств и его сына Асклепия – покровителя врачевания.

Основываясь на воздействии, производимом на людей музыкой, древние греки подразделяли ее на следующие

1. Дорийский – строгий, мужественный;
2. Фригийский – возбуждающий, страстный;
3. Лидийский – выражающий грусть, тоску;
4. Эолийский – вызывающий блаженное, приятное состояние.

Философы изучали и классифицировали полезные для медицины музыкальные произведения. Знаменитый Гиппократ специально прописывал больным курсы музыкотерапии. Пифагору же принадлежит афоризм: “Музыка может врачевать безумства людей”. Например, в Древнем Вавилоне жрецы-музыканты знали об облегчающем значении “отчуждения” тяжелых чувств и при траурных церемониях исполняли плачевные песни. Дабы возникшую скорбь превратить в нечто “чуждое” для переживающей личности. Арабские врачи утверждали, что для успешного лечения важно хорошее настроение больного. Моисей Маймонид при каждом заболевании тела надеялся при помощи музыки повысить “животную силу”.

В культуре Древнего Востока и Индии также есть свидетельства разнообразного применения музыки в медицине. Так Авицена (Ибн Сина) утверждал в “Каноне врачебной науки”: “Страдающих меланхолией необходимо развлекать музыкой” и считал, будто бы хорошее пение утешает боль, отвлекает от нее и даже усыпляет.

В средние века психотерапевтическое воздействие музыки объяснялось отвлечением человека от земной, “телесной скверны” и приобщением его к красоте духовной – “бестелесной” и “благочестивой”. Ученые эпохи возрождения видели в музыке мощное средство пробуждения в человеческой личности способности к эстетическому наслаждению, радостному восприятию жизни, интереса к познанию мира (В.Е. Рожнов, 1985).

Большое внимание музыке, как лечебному фактору, уделяла европейская медицина. Известно, например, что в XIII веке лондонский врач Ричард Броклесби написал свои “Рассуждения о древней и современной музыке и применил ее в лечении болезней”, предложив ряд методических приемов использования музыки при различных заболеваниях.

Начало XX века ознаменовалось вспышкой интереса к вопросам музыкотерапии. После второй мировой войны Ж. Альвин в Англии основывает общество музыкальной терапии и лечебной музыки. В Вене проходит симпозиум “Музыка и медицина”, после которого создается Центр музыкотерапии. В США организовывается Комитет по изучению взаимосвязи музыки и медицины. Музыку используют

в хирургии, кардиологии, акушерстве, стоматологии. Наиболее широко она применяется при лечении нервных и психических заболеваний.

В России изучение и развитие музыкотерапии связано с именами таких крупных ученых, как И.Догель, И.Тарханов, В.Люстрицкий, В.Спиртов и др. Огромная заслуга в этой области принадлежит В.М.Бехтереву, который, в частности, писал: "Коль скоро мы знаем, что музыка является воспитательницей наших чувств и настроений, мы вправе ожидать от нее, что она по решению врача может и должна создавать определенное настроение, где нужно ослабить излишнюю возбудимость, в других случаях перевести больного из грустного состояния в хорошее настроение, в третьих случаях подействовать соответствующим образом на дыхание и кровообращение, устранить гнетущую усталость и предать членам физическую бодрость". Эти идеи успешно развивались и в последние десятилетия.

Большое значение в системе лечения психически больных придавали С.И.Косторум (1959), Г.П.Шипулин (1966), В.Е.Рожнов (1985) и др.

Во многих работах исследовалось влияние музыки на функции человеческого организма. Было показано, что это влияние различно у разных людей и определяется индивидуальными особенностями музыкального восприятия, степенью музыкальной подготовки, психологическим типом личности и т.д.

Жак Порт в своей работе "Музыка как терапия" отмечает, что в действительности музыка действует как на подсознание, так и на сознание человека. Звук играет роль посредника между внешним миром и внутренней реальностью человека. Индивид, раскрывающий себя миру, самоопределяющийся в нем и через него, может преодолеть субъект-объективную оппозицию: связь, коммуникация устанавливаются через тело. Кроме того, звуки являются возбудителями, пробуждающими или стимулирующими "внутреннюю фантазию"; это не просто репродуцирование воспоминаний из сферы сенсорного опыта, а конструирование совсем иных образов, принадлежащих внутреннему миру человека.

Специальные физиологические исследования выявили влияние музыки на различные системы человека (Binet, 1896; Догель, 1888; Тарханов, 1893; Weld, 1912).

Слушающий музыку не только воспроизводит музыкальный ритм своим двигательным аппаратом, но и беззвучно пропевает музыку (пропроцептивная вокализация), причем в беззвучных сокращениях голосовых связок точно отражается частота, громкость и длительность воспринимаемых звуков (А.И.Леонтьев, 1965; Полякова, 1969; Сохор, 1970). Музыкальная стимуляция уменьшает время двигатель-

ной реакции, повышает лабильность двигательного анализатора, улучшает память и чувство времени, "оживляет" условные рефлексы (В.Б.Полякова, 1969; Demianowski, 1958).

Ряд авторов указывают на положительное влияние музыки при различных психических состояниях (Л.С.Брусиловский, 1979; Б.Д.Карвасарский, 1985; Г.П.Шипулин, 1966).

Широко используется в практике музыкотерапии положение Altshuler, названное ею "изопринципом". Согласно ему только минорная музыка адекватная эмоциональному фону депрессивных больных, создает оптимальные условия для проекции их переживаний на музыку, что субъективно воспринимается ими, как облегчение психических страданий.

Перечень музыкотерапевтических приемов приведен также в книге Ch.Schwabe (1972). Автор указывает на возможность применения метода в форме индивидуальной и групповой музыкотерапии. Каждая из этих форм может быть представлена в виде рецептивной и активной музыкотерапии.

Индивидуальная рецептивная форма способствует улучшению диадных взаимоотношений пациента и психотерапевта, достижению катарсиса и нервно-психического напряжения.

Групповая музыкотерапия в активной форме включает в себя также терапию пением (вокалотерапия, хоровое пение) и танцами (хореотерапия).

Ch. Schwabe (1972) выделяет четыре основных направления лечебного воздействия музыки:

- ♦ эмоциональное активирование в ходе вербальной психотерапии;
- ♦ развитие межличностного общения (коммуникативных функций и способностей);
- ♦ регулирующее влияние на психовегетативные процессы;
- ♦ повышение эстетических потребностей.

В заключении следует отметить, что благотворное влияние музыки на психофизиологическое состояние человека следует учитывать и шире применять во многих областях нашей жизнедеятельности: в дошкольных и учебных заведениях, в реабилитационных и оздоровительных центрах, для повышения производительности труда на производстве и т.д.

Однако, в отличие от развитых стран Запада, в нашей стране методы эффективности музыкотерапии недостаточно изучены и пока не нашли широкого применения.

Музыка, как один из видов искусства, оказывает огромное эмоциональное воздействие на человека, воспринимающего ее. Воздей-

ствие, при этом, не зависит от возраста, образования, профессии, социальной и национальной принадлежности. Музыка находится на высшей ступени эстетических ценностей, которые по своему чувственному выражению близки естественному восприятию человека.

Литература:

1. Алларов Х.А., Петракова Г.Д., Алларова С.Х. Музыкотерапевтический аспект проблемы комплексного воздействия искусств. – МГУ, 1992.
2. Бехтерев В.М. Гипноз, внушение, психотерапия и их лечебное значение. – СПб., 1911.
3. Брусиловский Л. С., Музыкотерапия. В кн.: Руководство по психотерапии. – Ташкент, 1985.
4. Гринева И.М. Изучение процесса музыкотерапии у больных эндогенными психозами. – Днепропетровск: Г.М.И., 1991.
5. Карвасарский Б.Д. Психотерапия. – М.: Медицина, 1985.
6. Руководство по психотерапии /Под ред. В.Е.Рожнова. – Изд. 3-е. – Ташкент, 1985.

А. Ю. Дышлевой

ПРИЧИННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВОВ И МЕХАНИЗМОВ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ У МУЖЧИН, СТРАДАЮЩИХ ПЕДОФИЛИЕЙ

У статті надані результати дослідження осіб, що скоїли сексуальні злочини проти дітей. Досліджено психічного статусу гвалтівників, наведено дані системно-структурного аналізу їх сексуальної поведінки, описано особливості патологічної мотивації під час скоєння сексуальних злочинів на фоні педодофілії.

Нами было обследовано 57 человек, отбывающих наказание за совершение изнасилований детей до 12 лет или растлевающих действий с малолетними, а так же их жертвы.

У всех обследованных преступников была диагностирована педофилия – половое влечение к детям, относящееся к сексуальным перверзиям с нарушением психосексуальной ориентации по возрасту объекта. Объект полового влечения при педофилии является неадекватным физиологически и запрещенным существующими социально-правовыми нормами.

Обследование пострадавших показало, что в 47% случаев изнасилования у жертв диагностировались тяжкие и средней тяжести телесные и психические травмы. В 74% случаев растления отмечались искажения психики жертвы, нарушения становления сексуально

сти. В 22% соvrашение привело к преждевременному психосексуальному развитию ребенка, в 7% — к формированию девиантных наклонностей.

Из числа обследованных преступников 23 человека или 40,3% совершили сексуальное насилие, 34 человека или 59,7% совершали сексуальные растлевающие действия в результате переговоров на соглашательских началах.

Как показали обследования лиц, отягощенных педофилией, основой для ее формирования служили задержки психосексуального развития, нарушения коммуникации с лицами противоположного пола и сексуальные расстройства, мешающие нормальной половой жизни. К последним относились психосексуальный инфантилизм, сексуальные фрустрации, снижение сексуальной функции, сексуальные фобии.

Психическое состояние обследованных, совершивших сексуальные преступления, приведено в табл. 1.

В ряде случаев у психопатических личностей влечение к малолетним девочкам полностью заменяло адекватное половое влечение. Нормальные половые акты ими воспринимались как вынужденные "суррогаты".

Формирование патологического мотива у тормозных психопатов обычно связано с фиксацией на собственных детских переживаниях сексуального характера, близкой к импритингу.

В группе истеро-возбудимых психопатов педофильные действия обычно совершаются из-за чувства половой неудовлетворенности,

Таблица 1
Психическое состояние обследованных,
совершивших сексуальные преступления при педофилии

<i>Психический статус</i>	<i>n=57</i>
Травматическое поражение головного мозга	n=8
Психопатии	n=29
Истероидная	n=7
Шизоидная	n=3
Астеническая	n=11
Психастеническая	n=8
Олигофрения	n=4
Алкоголизм	n=5
Акцентуации характера	n=11
Эпилептоидная	n=4
Истероидная	n=5
Шизоидная	n=2

связанной с ограничениями половой жизни из-за болезни жены, беременности и т. п. Возникновение патологического влечения в этих случаях объясняется гиперсексуальностью, а также наличием блокады адекватной реакции сексуальной потребности.

У психопатических личностей реальная блокада адекватного определения сопровождается действием условных внутриличностных барьеров, связанных с нарушением структуры и иерархии мотивов.

Изучение семейного положения осужденных показало, что 32 человека или 56% обследованных не состояли в браке или разведены. Очень часто они росли в неполноценных семьях и получили воспитание по типу гиперпротекции. Наличие патологического влечения к детям во многом определяло их образ жизни, выбор профессии. Они склонны к различным ухищрениям для того, чтобы быть рядом с объектами своего влечения.

Данные системно-структурного анализа сексуального поведения сексуальных преступников, отягощенных педофилией, приведены в табл.2.

Системно-структурный анализ сексуального поведения лиц, совершивших сексуальное преступление в результате педофилии, позволил выявить у них сочетанное поражение социального, психологического, социально-психологического и биологического компонентов мотивации поведения, приводящее к нарушению направленности полового влечения по возрасту.

У всех обследованных отмечаются отклонения в половом развитии, среди которых преобладают сочетанные асинхронии, обусловленные психогенными и социогенными факторами, а нередко сложные, характеризующиеся, кроме нарушения этих факторов, ускоренным соматополовым и задержанным психосексуальным развитием.

Асинхронии оказывают патогенное влияние на формирование стереотипа полоролевого поведения и психосексуальной ориентации.

Таблица 2
Системно-структурный анализ
сексуального поведения мужчин, отбывающих наказание.

<i>Компоненты сексуального поведения</i>	<i>n=57</i>
Социальный	n=41
Психологический	n=27
Социально-психологический	n=27
Биологический, составляющие	
Нейрогуморальная	n=12
Психическая	n=54
Генито-сегментарная	n=5

При этом психогенные задержки были обусловлены нарушением становления психики, наличием таких черт характера, как робость, мнительность, впечатлительность, застенчивость, нарушающих процесс общения со сверстниками и особенно с лицами противоположного пола, а психосексуальная ретардация была следствием неправильного воспитания.

У педофилов наблюдается нарушение фазности психосексуального развития, и если у некоторых из них фаза выработки установки сохранения, то фаза научения и закрепления установки у всех выпадает. Детские полоролевые игры переносятся на более поздний возраст.

Среди психогенных причин, определяющих задержку психосексуального развития у таких лиц, решающее значение принадлежит личностной аномалии. Хронологически процесс психосексуального развития совпадает с началом структурирования психопатии, когда все яснее очерчиваются типологические особенности. У мальчиков это такие черты, как повышенная чувствительность и ранимость, замкнутость, пассивность, ограничивающие контакты с окружением, избирательность этих контактов, стремление к созданию обстановки, не требующей проявления активности, инициативы и решительности. При нередко существующей резко выраженной зависимости от родителей это приводит к тому, что в "семейных" и условно-сексуальных играх мальчики выбирают женские роли и ориентируются на фемининное поведение, интериоризируя маскулинное полоролевое поведение частично и фрагментарно.

Задержки на стадии формирования полоролевого поведения носят, как правило, характер сочетанных асинхроний при ведущем психогенном факторе. Этап формирования психосексуальных ориентаций, которые в основном определяют выбор объекта влечения и формы реализации психосексуальных потребностей, хронологически совпадает с этапом завершения формирования психастенической психопатии, когда типологические особенности ее оформляются в структуру с установлением в определенной фазности: состояния компенсации и декомпенсации.

На этапе формирования психосексуальных ориентаций обожание, платонические мечты и фантазия носят типичный для таких лиц оттенок обсессивности и в силу их высокой психической ригидности — устойчивый характер с избирательной направленностью.

У мужчин с педофильной направленностью либидо в подавляющем большинстве случаев наблюдается растянутость во времени стадии платонического либидо, а фаза реализации этой стадии у половины из них отсутствует. Эротические фантазии, включаясь фрагментар-

но в нереализованные платонические тенденции, ведут к аутоэротизму— формируется патологическая мастурбация. У части больных она сопровождается депрессивными реакциями, эпизодически появляющимися идеями самоунижения, порочности и т.п., возложением на себя различных “наказаний”, ограничений. Все более заметной становится неспособность таких лиц к установлению продуктивных межличностных контактов, их некоммуникабельность.

Трудность общения при выраженности либидо приводит к раннему типу мастурбации. Нередко отмечается и трансформация полового поведения: мужчинам свойственны мягкость, конформность, подчиняемость, тревожность, мнительность, нерешительность.

Системно-структурный анализ сексуального поведения позволяет в исследованных случаях установить, что психологический и социально-психологический его компоненты нарушены вследствие наличия у мужчин свойств характера, вызывающих негативное отношение у женщин, и несоответствия ролевых позиций. Психическая составляющая биологического компонента поражена в результате психопатизации мужчин.

Тип половой конституции у большинства обследованных с педофилией средний, но у значительной их части (19%) имеет место сильная половая конституция.

Низкая степень осведомленности в вопросах психогигиены половой жизни встречается при педофилии гораздо чаще, чем при других видах сексуальных преступлений.

Нарушение общения с противоположным полом способствует формированию педофилии, которая входит в структуру личности.

В качестве иллюстрации рассмотрим следующее наблюдение.

Из материалов уголовного дела: Т., 24 лет, образование среднее, тракторист.

1 сентября 1992г. Т., будучи в состоянии легкого алкогольного опьянения, изнасиловал соседку, семилетнюю Г., при следующих обстоятельствах.

Воспользовавшись тем, что девочка осталась дома одна, Т. уложил ее в спальне на кровать, раздел, после чего, используя обусловленное возрастом беспомощное состояние девочки, изнасиловал ее, причем причинил ей средней тяжести телесные повреждения. Мать потерпевшей, вернувшись с работы, нашла свою семилетнюю дочь в спальне на кровати, полуобнаженную, с кровоточащими ранами промежности.

Обвиненный в совершении преступления и признавший свою вину Т. был осужден на 10 лет лишения свободы.

Данные анамнестического обследования. Родился вторым ребенком в семье, имеет брата. На момент рождения отцу было 37 лет, матери 39. Воспитывался бабушкой (по принципу гиперопеки). Взаимоотношения между родителями были конфликтные. К сыну родители относились строго, подавляли инициативу. По характеру Т. робкий, стеснительный, нерешительный. Испытывает трудности в общении со сверстниками.

Результаты специального сексологического исследования. Либидо с 10 лет, мастурбация с 12. Петтинг с 12 лет с десятилетней девочкой, связь с которой продолжалась 1,5 года. Первый половой акт в 17 лет с женщиной на 10 лет старше по ее инициативе. Половой акт был неудачным из-за слабости эрекции, впоследствии предпринял еще две неудачные попытки совершить половой акт с женщинами своего возраста. Т. отмечает, что девушки-сверстницы не возбуждают у него полового влечения и что периодически он видит сексуальные сны педофильного характера. С жертвой за месяц до преступления четыре раза совершал петтинг.

Соматический статус. Состояние внутренних органов – без патологии.

Психический статус. Раздражителен, легко раним, испытывает чувство неполноценности, нерешителен, склонен к болезненному мудрствованию, к самоанализу, тревожно-мнителен, самооценка заниженная. Отмечает затруднения в общении с женщинами своего возраста.

Наблюдение показывает закономерность формирования в определенных условиях у лица, страдающего психопатией психастенического типа, девиантного поведения в форме педофилии, которое привело к совершению сексуального преступления.

В результате проведенных исследований был установлен важный диагностический критерий личностной предрасположенности к формированию патологической мотивации – нарушение полимотивированности деятельности и иерархического построения мотивов. Сужение диапазона реально действующих мотивов в силу блокады части из них ведет к изменению их побудительной и смыслообразующей функции. Мотивы приобретают сверхсильную побуждающую функцию и реализуются в импульсивных и навязчивых действиях.

Этот механизм лежит в основе многих педофильных изнасилований, мотивы которых можно отнести к анэтическим, ситуационно-импульсивным мотивам психопатической самоактуализации.

Для многих психопатических личностей, совершивших педофильное изнасилование, подобный способ действий субъективно был един-

ственной для них возможностью совершения полового акта. Заблокированность остальных мотивов отражалась в самосознании, в убежденности в снижении половой потенции. Заблокированность коммуникативного мотива полового акта ведет к перестройке структуры и иерархии мотивов, изменению их смыслообразующей и побудительной функции, формированию замещающего мотива-“суррогата”, реализующегося в навязчивых, импульсивных действиях.

Список литературы:

1. Балабанова Л. М. Судебная патопсихология. Д.: Сталкер, 1998.
2. Гульман Б. Л. Сексуальные преступления. Х. ИМП Рубикон, 1994.
3. Реан А. А. Судебно-психологическая экспертиза по делам об изнасиловании // Психологический журнал— 1990, №2.

Э.Н. Егорова

СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Розглядається структура сучасної психології з точки зору вирішуваних нею завдань та реалізуємих цілей. Виділяються три її головних розділи: академічна, прикладна та практична психологія. Вказується на необхідність виділення психотехнології як самостійного напрямлення психології. Однією з проблем даного напрямлення визначається проблема формування психологічної культури особистості.

По мнению большинства как зарубежных, так и отечественных психологов, развитие современной психологии связано с проблемой реализации накопленных ею знаний в практике. Эта необходимость была осознана еще на рубеже 19 — 20 ст. в момент формирования академической психологии, ориентированной главным образом на раскрытие законов психики с помощью объективного метода исследования в лабораторных условиях. Уже в 20-е годы появляются первые попытки связать психологические изыскания с практической деятельностью человека (работы В.Штерна, Г.Мюнстерберга, П.П.Блонского, Л.С.Выготского и др.)

Широко распространенное с середины столетия заявление об использовании современной науки как одного из средств развития производства и общества, имеет непосредственное отношение и к современной психологии, так как именно человек является основной производительной силой общества, а уровень его производительности во многом зависит от его психических возможностей. Реализация психологических знаний в практику современного общества, в жизнедеятельность его членов связана так же с тем, что совре-

менного человека все больше интересуют возможности собственной психики, ее стрессоустойчивость, развитие его интеллектуальных возможностей, формирование навыков саморегуляции своей активности и психических состояний для противостояния негативному воздействию социальной среды. В обществе это выражается, во-первых, в создании и широком распространении самых различных школ так называемого духовного совершенствования, использующих различные западные и восточные методы саморазвития и саморегуляции. Использование данных методов очень часто происходит без учета их влияния на человека и его психику с точки зрения достижений современной психологии и психотерапии. Во-вторых, это проявляется в широком распространении научно-популярной и малонаучной, если не сказать ненаучной, литературы, дающей обывателю советы по преодолению возникающих у него психологических проблем. Поэтому особенно актуальным для современной психологии становится ее ориентация уже не только и не столько на исследование психики человека, его сознания и поведения, позволяющих описать данные явления, сколько на работу с ними. Это необходимо для выработки научно обоснованных рекомендаций по решению самых различных проблем, связанных с психикой и активностью человека, а также его взаимодействием с социумом, который не отличается достаточной стабильностью и приводит к повышению стрессогенности в жизни человека. Вполне возможно, что ориентация на исследование целенаправленного воздействия на психику и активность человека позволит психологии выйти на иной уровень развития науки, поможет преодолеть сложившуюся в академической науке тенденцию к изоляционизму в рассмотрении психических явлений. В рамках преобразующего воздействия психика человека выступает как целостное образование и это дает возможность раскрыть основные закономерности ее существования и активности, формирования и развития.

Анализ состояния современной психологии позволяет достаточно четко разделить ее на три основных раздела: академическую, прикладную и практическую психологию, каждая из которых реализует собственные цели и решает свои задачи.

Академическая наука стремится раскрыть общие, основные закономерности и механизмы формирования, развития и функционирования психики человека во всем ее разнообразии. Предметом академической науки является психическая реальность, выраженная в различных формах психических явлений (в процессах, свойствах, состояниях психики). В зависимости от представления о предмете психологического анализа и методах его исследования на рубеже

19-20 ст. достаточно четко выделяются несколько направлений академической психологии: ассоционизм, бихевиоризм, гештальтпсихология и др.

При этом за рамками анализа академической психологии остается *личность конкретного человека* с его субъективными проблемами и индивидуальными особенностями, а также специфические особенности психической активности в рамках конкретных видов профессиональной деятельности, в различных сферах жизнедеятельности. Эти проблемы решаются прикладной и практической психологией.

Психология как прикладная наука представляет собой психологическое обеспечение различных социальных сфер — здравоохранения, образования, производства, спорта, права и др. Развитие психологии в данном направлении связано с созданием отраслей психологической науки, получивших свое наименование в соответствии с той сферой, в которой изучаются и проявляются соответствующие психические особенности человека: медицинская психология, инженерная психология, психология труда, спортивная психология, юридическая и т.д. Прикладные отрасли включают в себя теоретическую часть, связанную с изучением особенностей функционирования психики в конкретном виде деятельности, в конкретных условиях жизнедеятельности человека, под влиянием различных факторов, и собственно прикладную или практическую часть, разрабатывающую конкретные рекомендации по организации той или иной сферы жизнедеятельности человека для достижения более высоких итоговых результатов.

Практическая психология, как еще одно направление в развитии современной психологии, ориентирована на создание особой психологической практики, направленной на оказание психологической помощи и предоставление психологических услуг.

Основные задачи данного направления психологии связаны с разработкой средств для оказания психологической помощи человеку в решении его проблем, для проведения социально-психологической реабилитации. Поэтому данная психология ориентирована не столько на исследование психики, сознания человека, сколько на работу с его психикой, сознанием. Ее целью является разработка способов воздействия психолога на сознание человека (на систему его представлений о мире, других людях, самом себе, на его ценностные ориентации и др.), на различные формы его активности (общение, деятельность, поведение, познание и др.), характер взаимоотношений и т.п.

Для решения данных задач психологии необходимы специальные методы практической работы с психической реальностью. Такие методы были найдены в непосредственной работе по разрешению

тех или иных психологических проблем клиентов, описаны и апробированы в специальной психотерапевтической практике. Однако они найдены чисто эмпирическим путем и поэтому не всегда позволяют достичь желаемых результатов или предсказать последствия их использования.

Осознание необходимости теоретической парадигмы, объясняющей особенности воздействий на психику клиента используемых в психологической практике способов, приводили к обращению к имеющимся теориям и концепциям академической психологии, к различным психологическим школам и направлениям — бихевиоризму, гештальтпсихологии, когнитивной психологии, гуманистической психологии, либо созданию специальных концепций — например, различных концепций психоанализа. Используя терминологию конкретной концепции, практические психологи стремились объяснить специфику своей психотерапевтической практики, направленной на решение возникающих у человека субъективных проблем. Однако это приводило к возникновению ориентации лишь на какую-то одну из сторон психологической реальности (поведение, гештальты, знания, ценностные ориентации и т.п.). При этом в практику зарубежной психотерапии переносились и ошибки теоретических направлений, выражающиеся в анализе и интерпретации получаемых фактов.

Для большинства зарубежных концепций характерны представления о противостоянии человека и общества. Человек вырывается из общества, рассматривается как автономная, по своим имманентным законам развивающаяся сущность. Общество рассматривается как враждебное по отношению к личности образование и при этом как стабильное, неизменное, надличностное, требующее приспособления к себе со стороны личности за счет подавления общественно неодобряемых форм поведения и побуждающих их мотивов, желаний и т.п. В связи с чем, психологическая помощь ориентирована, главным образом, на изменения во внутреннем плане психической активности (изменения субъективных отношений, самооценки, концепции Я, ценностей и т.п.) с целью адаптации человека к сложившимся общественным условиям и отношениям. В практике психоанализа основная цель — формирование механизмов психологической защиты, повышающих противостояние личности обществу и одновременно примиряющую личность со сложившимися отношениями. В практике поведенческой терапии основная цель — обучение личности социально-приемлемым формам поведения и общения. Гештальттерапия ориентирована на отреагирование, завершение тех или иных поведенческих актов для снятия эмоционального напряжения

и создания для личности возможности ощутить свое существование в полной мере “здесь и сейчас”.

Анализируя систему используемых в современной зарубежной психотерапевтической практике методов, необходимо заметить, что в каждом конкретном направлении используется свой специфический подход к психокоррекции. И, несмотря на то, что представители данных подходов специально подчеркивают, что они работают с субъективностью пациента, анализ показывает, что они все же рассматривают не конкретного человека, а некую усредненную субъективность (отраженную в теоретических построениях используемых ими концепций), т.к. реализуется только один принцип психокоррекции в любых случаях, либо отказываются от коррекции вообще.

В традиционной советской психологии своей психотерапевтической практики не было создано, что и позволяет некоторым современным психологам говорить вообще об отсутствии в отечественной психологии прикладного, практического аспекта. В настоящее время происходит процесс сопряженного создания и психологической практики и соответствующей ей концепции человека.

Дальнейшее развитие психологической практики действительно невозможно без теоретической основы, раскрывающей закономерности создания средств психологического воздействия, их упорядочивания и возможности предсказания результатов их использования. Однако, как считают многие современные психологи, академическая наука не может выступить в данной роли. Как указывает Василук Ф.Е. [1], здесь необходима теория особого типа, которую можно назвать психотехнической. Данная теория может строиться только на гуманитарной парадигме, вырабатывающей иной — в отличие от естественнонаучного — целостный взгляд на человека.

Безусловно, современная психологическая практика требует создания фундаментальной концепции, позволяющей психологу-практику осознанно строить свою работу с клиентом, подбирать наиболее адекватные способы работы с ним. Эта концепция должна отражать основные закономерности существования и активности человека, регулирующую роль психики в ней. Для создания подобной концепции необходимо в первую очередь определить основные тенденции развития современной практической психологии как сферы психологической помощи и услуг.

На наш взгляд, данное развитие практической психологии возможно в нескольких направлениях:

Во-первых, это направление, разрабатывающее **средства для изменения самой личности** (психических особенностей человека)

с целью обеспечения ее **адаптации** к уже сложившимся условиям жизнедеятельности и повышением эффективности всех форм ее активности. Целью деятельности практического психолога здесь является избавление человека от страданий, связанных с острым и глубоким переживанием недовольства собой, окружающими, жизнью в целом. Это собственно традиционные направления современной практической психологии — психокоррекция и психореабилитация.

Во-вторых, это направление, разрабатывающее пути, характер и **средства изменения условий жизнедеятельности личности**, если они оказывают на нее негативное влияние. В данном случае необходим анализ системы межличностных и общественных отношений, в которые включен человек, с точки зрения их положительного или отрицательного влияния на личность и ее развитие, изменение негативных взаимоотношений и преобразование тех социальных институтов, которые продуцируют и воспроизводят негативно влияющие на личность общественные отношения.

Человек и его развитие неразрывно связаны с окружающей его социальной средой. Именно она обеспечивает удовлетворение его основных потребностей, именно она предъявляет к нему определенные требования (к его поведению, способностям, личностным качествам, результатам деятельности и т.п.), именно она задает характер удовлетворения потребностей и особенности основных требований. Поэтому необходимо не только изменение человека в соответствии с требованиями среды, но и “облагораживание” этой среды, создание оптимальных социальных условий для развития гармоничной всесторонне развитой личности. Наиболее широко представление о необходимости целенаправленного преобразования социальной среды с целью создания условий для гармоничного развития личности нашло отражение в трудах отечественных психологов [3].

Развитие данного направления требует объединенных усилий различных наук, в частности, социологии, политологии, экономики и других, изучающих общество, особенности и закономерности его развития.

Во всех перечисленных выше направлениях современной психологии не решается проблема целенаправленного развития и совершенствования психики человека. Это связано с тем, что в зарубежной психологии ведущим остается представление о генетической заданности психических особенностей человека и невозможности их целенаправленного изменения, тем более формирования. Лишь в отечественной психологии разрабатываются концепции, подчеркивающие влияние внешних условий на формирование психики человека и возможность ее преобразования через целенаправленное их

изменение [2, 3]. Такой подход позволяет говорить о **психотехнологии**, т.е. о таком разделе психологии, который разрабатывает принципы и методы целенаправленного формирования желательных качеств и свойств психики человека. Это новое — четвертое — направление современной психологии можно назвать **развивающей психологией**. Ее основная задача — разработка **средств** для целенаправленного формирования психики человека, **для ее совершенствования**, обеспечение наиболее полной реализации реальных и потенциальных возможностей личности. Решение основных задач данного направления требует анализа и обобщения накопленных культурой человечества психотехнических средств, направленных на развитие различных способностей человека и способов регуляции его активности.

Стремление найти оптимальные формы воздействия на психику человека с целью ее развития характерны для возрастной психологии, педагогической психологии (психологии развития, обучения и воспитания). Однако там решаются проблемы не столько развития психики ребенка, его потенциальных возможностей, сколько даются рекомендации по созданию условий более эффективного усвоения учебной программы на основе учета закономерностей функционирования психических процессов, уже сложившихся в рамках их *стихийного* развития. В этих отраслях имеются самые различные теоретические взгляды на процесс формирования и развития психики человека и возможности целенаправленной организации и регулирования процессов обучения и воспитания. В частности это касается концепций поведенческой психологии (теория программированного обучения Б.Ф. Скиннера, теории научения Э.Толмена и проч.), и особенно широко данные исследования представлены в отечественной возрастной и педагогической психологии — в работах Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна и их последователей.

Вместе с тем уже в работах советских психологов, особенно в последние годы, появляются указания на необходимость разработки средств для непосредственного развития и упражнения психических (главным образом познавательной сферы) процессов ребенка [5]. На систематизацию разработанных в различных культурах способов целенаправленного воздействия, развивающих различные психические процессы, как одну из основных задач современной психологии указывал также американский психолог Дж.Брунер [1].

Учитывая, что одним из ведущих факторов развития психики человека наряду с целенаправленным социальным воздействием (внешним) является его собственная активность, в качестве важнейшей задачи развивающей психологии необходимо выделить проблему

формирования индивидуальной **психологической культуры личности**, т.е. обучения человека той системе психологических знаний, умений и навыков, которые позволят ему сознательно изменять собственное психическое состояние и регулировать все основные формы своей активности.

На наш взгляд, теоретической основой данного направления современной психологии должны стать концепции психического развития человека, разрабатывающиеся в советской психологии Л.С.Выготским, С.Л.Рубинштейном, А.Н.Леонтьевым и их последователями. Формирование психологической культуры личности должны быть основано на знании закономерностей психического развития человека с целью их последующего использования при сознательном регулировании (управлении) и формировании психики.

Литература:

1. Брунер Дж. Психология познания. - М.: Прогресс, 1977. - 412 с.
2. Василюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории // Моск. психотер. журнал, 1991, № 1.
3. Выготский Л.С. История развития высших психических функций. - Собр.соч. в 6-ти томах, т. 3. - М.: Педагогика, 1983, с.5-328.
4. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. - М.: изд-во Моск.ун-та, 1981, - 584 с.
5. Чистякова М.И. Психогимнастика. - М.: Просвещение, 1990. - 128 с.

М.Е. Жидко

СЕКСУАЛЬНЫЕ ФАНТАЗИИ: ГЕНДЕРНЫЕ, ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПСИХОСЕКСУАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

У статті аналізуються гендерні та вікові особливості сексуальних фантазій та їх взаємозв'язок з психосексуальною поведінкою. Висовується гіпотеза, що вони є наслідком взаємодії базових фемінних та маскуліних фантазій особи.

Как показывают современные специальные комплексные исследования, сексуальные сны, фантазии, мечты — неотъемлемый аспект человеческого бытия, в котором находят свое отражение глубинные образования и процессы личности [2, 3, 4, 5, 6]¹. Между тем проблемы роли, функций и механизмов сексуальных фантазий (как и воображения вообще) в жизненном цикле индивидуума до сих пор явля-

1. Заметим, что способность не только реагировать на эротические образы, но и создавать их, воплощая свою фантазию, — исключительное свойство человека, присущее ему, как свидетельствует история искусства, с древнейших времен. В некотором роде можно говорить, что способность сексуально фантазировать — одна из наивысших функций, которые человек когда-либо развил [17].

ются предметом оживленных дискуссий как между представителями различных специальностей (сексологами, культурологами, психологами, социологами, педагогами) и направлений, так и в рамках определенных научных школ [18].

Рассмотрение сексуальных фантазий на феноменологическом уровне выявило следующее.

На общем континууме человеческих мечтаний они занимают сравнительно большой диапазон. Время, которое человек посвящает таким фантазиям, зачастую превышает время, отводимое на другие виды деятельности, и характеризуется следующей динамикой: начиная с раннего детского возраста наблюдается его постоянное увеличение, у подростков оно в среднем составляет 17% общего времени, в возрасте от 18 до 20 лет эта доля достигает 20%, а затем снижается до 8% между 28 и 35 годами и менее чем до 1% после 65 лет [11]. При этом до сих пор остается открытым вопрос, в каком степени оказывают на это влияние гормональные сдвиги, социально-знаковое воздействие среды и психодинамические процессы, приходящиеся на эти периоды [16].

И у мужчин и у женщин сексуальные фантазии могут сочетаться с разными видами сексуальной активности. На этом основании различают: мастурбаторные фантазии (71% мужчин и 72% женщин); коитальные фантазии (30% мужчин и женщин); и, собственно, эротические фантазии [8]. Однако выявлены заметные различия между типами сексуальных фантазий.

Исследования Барклея [2] показали, что женские фантазии носят главным образом эмоциональный, романтический характер, в то время как мужские походят на содержание порнографических книг, изобилующих сексуальными подробностями с минимумом эмоций. Более поздние работы Крепо [4] продемонстрировали, что сексуальные фантазии женщин – это, в первую очередь, фантазии *экзгибicionистского* и *нарциссического* характера (когда женщина воображает, что обладает огромной сексуальной привлекательностью), а так же *мазохистские* фантазии (например, что она подвергается агрессии со стороны одного или нескольких половых партнеров).

У мужчин диапазон гораздо шире. Так для них характерны *фетишистские* фантазии (связанные с одеждой и принадлежностями женского туалета) или фантазии *завоевания* (когда субъект командует, обольщает или принуждает кого-либо к сексуальной деятельности). Мужчинам также свойственны фантазии *замены партнера* (когда субъект воображает половой акт с новым партнером, в роли которого может выступать как бывший партнер – старый друг или

подруга — так и просто незнакомый человек, к которому возникает желание, например, знаменитость, сосед, родственник, учитель, продавец или просто вымышленная фигура, воображаемый идеал), *группового секса*, *наблюдения*, а также фантазии *орогенитального* (фелляция, куннилингус или оральная эякуляция) и *инициативистского* типа (совращение девочек).

Первоначально это объяснялось врожденными психофизиологическими различиями между полами, но, последующие исследования, в частности трансформаций отношений женщин к сексуальным фантазиям в связи с изменением их прав и информированности в области секса, позволило обосновать точку зрения, согласно которой в большей степени это связано с общепринятым стереотипом сексуальных отношений, где ведущая роль отводится мужчине [9]. Таким образом было показано, что различие специфических мужских и женских сексуальных фантазий зависит от контекста, в котором они воспринимаются.

Гомосексуальные фантазии отмечаются у лиц обоего пола — примерно у 7% мужчин и 11% женщин. То же самое можно сказать и о фантазиях, когда субъект воображает, что подвергся сексуальному насилию², или о фантазиях, попирающих общепринятые социальные, нравственные или религиозные нормы, когда, например, женщина отождествляет себя с проституткой или с развратницей, а мужчина превращает ее в объект “сексуальной эксплуатации”. В своих знаменитых исследованиях Мастерс и Джонсон [20], изучив небольшую выборку гетеросексуальных, гомосексуальных и бисексуальных женщин и мужчин, обнаружили, что уровень сексуальных фантазий был самым низким у бисексуальных мужчин, а самым высоким у лесбиянок. Другие исследования показали также, что если у лесбиянок главным предметом сексуальных фантазий бывает привычная партнерша, помещаемая в непривычную ситуацию, то у гетеросексуальных женщин в фантазиях присутствует чаще всего малознакомый мужчина. Гетеросексуальные мужчины обычно строят свои фантазии вокруг конкретной женщины, но не своей привычной партнерши. Самой обычной темой фантазии у гомосексуальных женщин и мужчин является активное принуждение, но если у мужчин оно связано с применением физической силы, то у лесбиянок это чаще всего психологическое давление.

2. Ненси Фридей пишет: “Отдавая себя в руки воображаемого насильника, т.е. делая его насильником силой своего воображения, женщина заставляет его делать с ней то, чего она хочет, чтобы он с ней делал, хотя при этом создается впечатление, что это она выполняет его желания. И тут, и там она выигрывает, в обоих случаях она безупречна, потому как находится в руках более сильного” [7]. Насилие, которому подвергаются гетеросексуальные мужчины в своих сексуальных мечтах со стороны гомосексуалистов, что тоже служат цели снятия с него “ответственность” за гомосексуальный акт.

Обнаружено, что сексуальные фантазии возникают в необычайном широком спектре условий и обстоятельств и могут быть как произвольными, так и непроизвольными феноменами. Чаще всего источником фантазий выступают *хорошо знакомые ситуации и события* (например, прочитанная ранее книга, увиденный кинофильм или реальное событие): их содержание может варьировать в зависимости от ситуации, однако сам индивид неизменно во всех случаях играет главную роль. Но не менее важным источником является *ядерная или центральная мастурбационная фантазия*, проявляющаяся в том, что индивид постоянно фантазирует на одну и ту же тему, однако никакой связи между сюжетами и действующими лицами нет [16].

До сих пор не существует единой точки зрения на то, почему одни фантазии предпочтительнее других и почему человек с удовольствием к ним возвращается. Если одних случаях вся прелесть такой фантазии состоит в способности вызывать у человека радость сексуального возбуждения, то в других ситуациях удовольствие доставляет сама роль "режиссера", которому подвластно все: и действие, и актеры, и сюжет, что уже указывает на то, что фантазия используется как средство разрешения иных, несексуальных трудностей. А учитывая тот факт, что во многих случаях из-за сложности такой фантазии ею предпочитают пользоваться в одиночестве, нежели во время сексуального общения с партнером, можно говорить о том, что сексуальная фантазия выступает как в позитивной так и в негативной роли по отношению к нормальному развитию личности, диссоциируя и эротизируя внутриличностные конфликты.

При этом важно заметить, что исследования сексуальных фантазий, проводимые Институтом Мастерса и Джонсон, показали, что большинство женщин, предававшихся в мечтах необычной сексуальной практике типа изнасилования, инцеста, секса с животными, садомазохизма, в реальности совсем не желали бы пережить подобные ситуации. В отличие от женщин мужчины оказались более смелыми. Около двух третей опрошенных, имевших подобные фантазии, заявили, что они не прочь при определенных обстоятельствах испытать все это на себе [20].

Глубокое изучение психиатрами Харитоном и Сингером [10] сексуальных фантазий замужних женщин во время половых актов со своими супругами показало, что фактически большинство людей с повторяющимися время от времени фантазиями не испытывают ни желания, ни потребности пережить их на самом деле.

Исследования также показывает, что воплощение сексуальных фантазий в жизнь для многих оказывается неудовлетворительным,

поскольку при этом почти полностью теряется некая “эротическая” ценность фантазии. “Стоит только осуществить свою фантазию, как она сразу же исчезает и не возвращается вновь. Если ее воплощение было приятным, то остается лишь яркое воспоминание... В большинстве случаев в реальной жизни невозможно достичь той степени возбуждения, какой вы достигали в своих мечтах. Поэтому фантазия значительно видоизменяется и постепенно теряет свою яркость” [14].

В связи с этим встает вопрос о функциях сексуальных фантазий. В литературе выделяют следующие функции: 1) *познавательную*; 2) *стимулирующую*; 3) *трениговую*; 4) *творческую*; 5) *компенсаторную* 6) *замещающую*. И если по поводу первых четырех разногласий практически не наблюдается, то рассмотрение последних двух ставит перед исследователями целый ряд вопросов, и, прежде всего, вопрос почему “человек не очень склонен любить, особенно в то время, когда он занимается любовью” [15].

Психоанализ, как и религия, увидел в сексуальных фантазиях извращение. По мнению Фрейда, они отражают наличие конфликта между подавленными инфантильными импульсами и семейными или социальными запретами, и, таким образом, вместе с другими сексуальными извращениями, искажают “нормальные сексуальные цели” [21].

Развивая эти идеи, американский сторонник школы объектных отношений Столлер [15] полагает, что “дневные мечтания в сжатом виде отражают первичные отношения всего детства и пытаются освободить человека от имевших место в детстве фрустраций, травм и конфликтов”, давая ему возможность хотя бы в своем воображении причинить зло объекту эротически фантазий. С его точки зрения сексуальные фантазии человека — это его личная порнография, реванш за пережитые страдания.

В работах психиатра Натали Шейнесс [13] выражена еще более жесткая позиция. По ее мнению, любые фантазии во время половых контактов следует считать симптомами “сексуальных трудностей” и “знаком сексуального охлаждения”. Она уверена, что взрослые здоровые женщины фантазиями не занимаются. Это более характерно для молодых неопытных девушек. Если же фантазии становятся навязчивыми, “следует считать, что имеет место грубая патология”.

Несколько другой подход развивает Авод Оффит [12]. По его мнению, если реальность и фантазия гармонируют друг с другом, то это свидетельствует о “целостности личности”, о психологическом единстве. Если фантазия слишком сильно отрывается от реальности, то это указывает на потенциальные психологические проблемы. В конечном итоге Оффит рассматривает сексуальные фантазии как “жал-

кое подобие того сложного комплекса радости и горя, который необходим для любви реального человека”.

В работе под названием “Почему мы не должны воспринимать сексуальные фантазии” калифорнийский клинический психолог Бернард Апфельбаум [1] определяет фантазии как “отделенные от нас части, громко сигнализирующие нам о своем желании вернуться”. Он уверен, что сексуальные фантазии происходят от неудовлетворенности существующей реальностью и очень часто служат причиной конфликтов между партнерами. Например, если один из партнеров почувствует, что причиной сексуального возбуждения другого является не он, а фантазия, то, естественно, он ощутит себя отверженным, и это чувство блокирует его сексуальную реакцию (хотя он признает, что фантазия и влечение – это разные вещи). Апфельбаум также считает, что, если партнеры не делятся друг с другом своими фантазиями, это уменьшает доверие и интимность отношений”. По его словам, “сексуальные фантазии всегда подсказывают нам, что нужно сделать для укрепления наших взаимоотношений”.

Таким образом, как видно из всего вышесказанного, переход от феноменологического описания к анализу *психологического содержания*, требует, прежде всего, рассмотрения тех латентных личностных смыслов, которые находят свое выражение посредством фантазий. Отметим, что как в отечественной, так и в зарубежной литературе эта проблема практически не исследовалась. В этом отношении наиболее перспективной нам представляется модель симптомокомплекса феминности/маскулинности [19], позволяющая представить сексуальные фантазии и их гендерную и возрастную динамику как проявления базовых феминных и маскулинных фантазий личности и форм психологической защиты и овладения (*coping*) ними. Подобный подход позволяет не только подвергнуть анализу сексуальные фантазии в более широком личностном контексте, но и создать их модель.

Литература:

1. Apfelbaum B. “Why We Should Not Accept Sexual Fantasies”/ Expanding the Boundaries of Sex Therapy, rev. ed. Berrkeley, Calif, 1980.
2. Barklay A.M. Sexual fantasies in man and woman. – Med. Asp. Hum. Sex., 1973, vol. 7, p. 205-216.
3. Byrne D. The imagery of sex. – In: Handbook of sexology/Ed. J. Money H. Musaph. New York – Oxford, 1977, p. 327 -350.
4. Crepault C., Couture M. Men's erotic fantasies. – Arch. Sex. Behav., 1980, vol. 9, p. 565-581.
5. Eysenck H.J., Wilson G. The Psychology of sex. – London, 1979.

6. Fisher W. A., Byrne D. Sex differences in response to erotica? Love versus lust. — J. Personal. Soc. Psychol., 1978, vol. 36, p. 117-125.
7. Friday N. My Secret Garden. — New York, 1973.
8. Gebhard P.H., Jonson A.B. The Kinsey data: Marginal tabulations of the 1938-1963 interviews conducted by the institute for sex research. — Philadelphia, 1979.
9. Goleman D., Bush S. "The Liberation of Sexual Fantasy", Psychology Today, p. 48-53, 1977.
10. Hariton E.B., Singer J.L. "Women's Fantasies during Marital Intercourse: Normative and Theoretical Implications", Journal of Consulting and Clinical Psychology, p. 313-322, 1974.
11. Katchadourian H.A. La sexualite humaine. — Montreal, 1982
12. Offit A. The Sexual Self. — New York, 1977.
13. Shainess N., Greenwald H. "Debate: Are Fantasies during Sexual Relations a Sign of Difficulty?", Sexual behavior, p. 38-54, 1971.
14. Shanor K. The Fantasy Files. — New York, 1977.
15. Stoller R. J. Sex and gender. — New York, 1968.
16. Tyson Ph., Tyson R.L. Psychoanalytic theories of development: An integration. — New York, 1990.
17. Кон И.С. Введение в сексологию. — М., 1988.
18. Короленко Ц.П., Фролова Г.В. Чудо воображения (воображение в норме и патологии). — Новосибирск, 1975.
19. Кочарян А.С. Личность и половая роль. — Харьков, 1996.
20. Мастерс У., Джонсон В, Колодны Р. Мастерс и Джонсон о любви и сексе. — СПб., 1991.
21. Фрейд З. Художник и фантазирование. — М., 1997.

Е.В.Жорник, Е.С.Шапошникова

РАЗРАБОТКА ТРЕБОВАНИЙ К МОДЕЛИРОВАНИЮ МОТИВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Проводиться аналіз теоретичних психологічних уявлень про мотивацію діяльності. Викладено основні положення, що утворюють концептуальну базу для створення моделі взаємодії потребної сфери з зовнішніми предметними умовами побудови дій. Описані окремі фрагменти процедур, які повинні бути відображеними у моделі.

На современном этапе развития психологии появляется возможность проводить наряду с лабораторными экспериментами исследования на компьютерных моделях, имитирующих протекание тех или иных психических процессов. Однако на этом пути имеется существенное препятствие: необходимо характерные для предметной об-

ласти психологии знания, воплощенные в вербальных конструкциях, перевести на язык, пригодный для преобразования в машинные программы. Иными словами, следует формализовать эти знания. Помимо этого, модель должна строиться на алгоритмах, независимо от того, к какому типу она относится, сетевому или алгоритмическому. В свою очередь, для построения алгоритма нужны однозначные описания механизмов протекания моделируемых процессов.

Разрабатываемая модель мотивации определяется взаимодействием трех сфер: биологической (организмическая обусловленность мотивации со стороны нужды, потребностей и их нейрофизиологические корреляты); психической (представленность компонентов двух других сфер на уровне психических процессов и состояний в виде объектов и знаков сознания); внешней среды (влияние на организм предметов материального мира и социальных явлений). Такая структура определяет и направления построения модели: эндогенный вектор (потребность – мотив – цель – внешний объект); экзогенный (внешнее воздействие – мотив – потребность – цель – результат); амбиентный (организация когнитивных образов и связей между ними – смыслообразование).

Биологическая сфера представлена, с одной стороны, как причина онтогенетического развития мотивации, а, с другой, – как ситуативная актуализация мотивов со стороны организмических структур.

Инициация мотивационного процесса может быть воспроизведена в физиологических терминах, как проявление состояния нужды, потребности. Общей причиной их возникновения является дисбаланснарушение гомеостаза организма, в ответ на который возникают два вида реакций – неспецифическая в виде нужды, и, параллельно, специфическая в виде потребности. В первом случае импульсы от проприорецепторов вызывают тоническую активацию неспецифических отделов головного мозга (неспецифического таламуса и ретикулярной формации), а во втором происходит возбуждение конкретных подкорковых центров, отвечающих за определенные функции организма.

Обратимся к описанию свойств потребности, как более специфической и информативной категории, чем нужда.

- ♦ потребность апеллирует к широкому кругу внешних объектов, так как она не привязана к определенным внешним условиям, а низшие ее формы вообще не требуют внешнего объекта не только как средства, но и как цели (рефлексы, входящие в систему биологической защиты организма – кашель, чихание)
- ♦ функционирование потребностей протекает по принципу “доминанты”: при наличии нескольких потребностей в единицу време-

ни максимально актуализируется только одна из них, а остальные выполняют функцию обеспечивающих.

Потребность является комплексным понятием и ее функциональ-

ный аспект можно описать с помощью трех видов показателей:

1. Качественные показатели, описывающие вариации проявления потребности и отражающие временное доминирование какой-либо из рецепторных систем. Например, в потребности голода могут ситуативно актуализироваться такие качественные параметры, как объем, вкус и др.
2. Энергетические показатели, обусловленные внутренней интенсивностью процесса — динамика нарастания/убывания. Данный параметр описывает не потребность вообще, а относится к каждому качественному показателю в отдельности, т.е. характеризует степень актуальности какого-либо из аспектов потребности.
3. Дифференциальный показатель, специфицирующий степень выраженности каждого качества и его элементов. Так, абстрактный качественный показатель, к примеру, вкуса дифференцируется по специфической шкале, фиксирующей понятия “горького”, “сладкого” и др. Данный показатель принят за константу на данном этапе разработки модели.

При рассмотрении психической сферы необходимо обратиться к отдельной ее плоскости, названной нами “рефлексивным полем”. Данное понятие вводится для обозначения того среза сознания, в котором происходит отражение предметов наличной ситуации, сохраняются ранее запечатленные образы и формируются образы-цели и идеалы.

Рефлексивное поле обладает следующими свойствами:

- сложная структура, предполагающая наличие подструктур, а также динамических временных связей между компонентами.
- функционирование по принципу ассоциативных связей — явления рефлексивного поля связаны между собой через общие признаки и актуализация определенного признака у одного из явлений влечет за собой актуализацию всей цепи явлений с данным параметром.
- субъективность качественных и количественных особенностей набора компонентов — индивидуальные различия в выборе объектов при отражении и сохранении, а также в их оценке.
- постоянная трансформация и развитие компонентов внутри рефлексивного поля, динамика связей между явлениями.

В структуре рефлексивного поля можно выделить: основные компоненты — образы-отражения явлений и предметов внешнего и внутреннего мира, представленные в непосредственном восприятии или сохраненные в памяти; дополнительные компоненты, образующие

структуру каждого основного явления; а также связи компонентов между собой.

Функциональный аспект существования компонентов рефлексивного поля раскрывается при анализе их собственной структуры, которая может быть представлена как сочетание следующих показателей:

1. Качественные показатели, отражающие различные особенности данного явления. Такие качества могут варьироваться по уровню существенности и быть как формальными (например, форма, цвет, вкус и др.), так и функциональными (структура, динамические особенности и др.). Специфика выделения свойств в каждом случае индивидуально обусловлена. Основное отличие данного параметра от аналогичного в потребности — это наличие наряду с “рецепторными” качествами (вкус, объем) еще и специфических независимых переменных (эстетическая привлекательность, скорость) — т.е. приобретенных в онтогенезе и неспособных напрямую удовлетворить потребность.
2. Энергетические показатели, описывающие степень актуальности конкретного качества для индивида, обусловленную либо потребностным состоянием организма, либо предварительной мотивационной установкой рефлексивного поля на отслеживание определенных параметров. Данный показатель обладает относительной постоянностью и определяет содержание и границы ведущих мотивов.
3. Показатель выраженности определенного качества в конкретном объекте. Соотношение данного показателя с энергетическим указывает на степень необходимости для субъекта данного предмета по тому, насколько тот сможет удовлетворить актуально заданное свойство.

Анализ особенностей структурных компонентов рефлексивного поля проясняет специфику его динамического аспекта — временных связей между объектами:

- ♦ связи между явлениями поля устанавливаются посредством объединения нескольких явлений по какому-либо общему качественному показателю
- ♦ связи устанавливаются не только между родственными явлениями — на основании родового признака (связь через значение), но и между изначально нейтральными явлениями, на основании приписывания ему того или иного параметра (связь через смысл)
- ♦ все существующие связи вариативны по степени субъективной актуальности (в зависимости от выраженности энергетического показателя данного свойства, объединяющего ряд явлений).

Совокупность актуальных связей и их соотношения, отражающие содержательный аспект деятельности, и выступают в качестве системы мотивов.

Направления и динамика мотивообразования определяется в соответствии с названными векторами развития модели.

Функция эндогенного вектора сводится к побуждению действия по достижению/избеганию объекта и разрядению потребностного состояния. Процесс возникает при актуализации определенной потребности, вслед за чем в рефлективное поле поступает заданная "формула", отражающая содержание и интенсивность актуальной потребности. Мера интенсивности очевидна, во-первых, из количества затребованных параметров (чем интенсивнее потребность, тем меньше параметров будет задействовано, что также подчиняется принципу "доминанты"), и, во-вторых, из распределения энергетических показателей в случае представленности нескольких качественных параметров. Отражаясь в такой форме в рефлективном поле, актуальная потребность побуждает поиск объектов, адекватных заданным критериям. В случае максимальной актуальности потребности задан всего один показатель (например, параметр объема жидкости при жажде), что допускает большее число объектов для удовлетворения данной потребности, с одной стороны, и предпочтение объектов, расположенных в пределах досягаемости, с другой. Если же задано несколько параметров, то поиск производится по нескольким направлениям. Найденный объект, находящийся непосредственно в поле восприятия, обуславливает удовлетворение потребности в чистом виде. Мотив же возникает, когда на пути удовлетворения потребности встречается препятствие (например, объект не достижим в данную минуту). Тогда ситуация либо разрешается косвенным путем (компенсаторным), либо исследуются другие свойства необходимого объекта с целью определения способа, позволяющего его достичь через связывание каких-либо его остальных качеств с идентичными у других компонентов поля, доступных в данный момент. Когда такая связь желаемого и инструментального объектов станет устойчивой (механизм "проторения пути") и при временном отсутствии актуальных биологических потребностей (а при достаточной устойчивости такой связи — несмотря на их наличие), этот способ превратится в независимый мотив.

Механизм функционирования мотивов, независимых от потребностей, может быть отображен в следующей схеме: при наличии одного или нескольких актуальных параметров в рефлективном поле будет выстроено адекватное число мотивационных цепей. Если при

проверке соответствия выраженности определенного параметра его актуальности (энергетическому показателю) у каждого из входящих в одну цепь объектов, будет обнаружено, что ни один из объектов не удовлетворяет заданным критериям, цепь сохранит свою актуальность до тех пор, пока не будет найден (не обязательно в практическом смысле) оптимальный удовлетворяющий данное требование объект. Если же требование полностью удовлетворяется наличными объектами, то такая мотивационная цепь вероятнее всего потеряет свою актуальность и ее место – роль ведущего мотива – займет следующая по актуальности.

Механизм экзогенного вектора развития мотивации обусловлен особенностями восприятия, а его функционирование определяется как “научение”. При попадении в рефлексивное поле, объекты внешней среды проходят ряд “фильтров”: симультанный отбор, когда отбираются новые или уже необходимые объекты, и вторичная фильтрация – поиск у объектов качеств, адекватных сформированным у образов в поле параметрам. Затем объект либо включается в одну или несколько мотивационных цепей (как реально или потенциально удовлетворяющий мотивационное состояние), либо исключается из рефлексивного поля (“забывается”), когда не отвечает ни одному из актуальных параметров.

Однако, явления внешней среды, как носители множества параметров, еще неизвестных для субъекта, могут также формировать новые мотивационные цепи. Например, формирование мотивов престижа, эстетической привлекательности возможно благодаря интериоризации не только сформированных паттернов параметров – абстрактных понятий с уже заданными свойствами, но и указания на их необходимую актуальность. Таким образом, когда базовый элемент новой цепи уже задан, субъект начинает поиск объектов, удовлетворяющих данный мотив.

Функция третьего вектора – амбитендентного, или рефлексивно-го, состоит в организации компонентов рефлексивного поля и смыслообразовании. Данный механизм включается либо при отсутствии акт туалых потребностных состояний организма, либо в ситуации “сбоя” функционирования системы рефлексивного поля (наличие амбивалентности, невыраженность ведущего мотива). В рамках данного вектора осуществляется интеграция и приведение в систему имеющихся отношений и связей между явлениями, выделение новых свойств в явлениях рефлексивного поля, формирование новых мотивационных цепей, формирование системы личностных смыслов субъекта.

Каждый из описанных векторов развития мотивообразования занимает определенное место в системе психических функций человека и оптимальное развитие субъекта может быть достигнуто лишь в случае их уравновешенного, взаимодополняющего функционирования. Доминирование эндогенного вектора привело бы к гипертрофированию биологического контроля над сферой психического; выраженность экзогенного — к механическому запечатлению общественных смыслов дебиологизации индивида и отсутствию способности к самостоятельному познанию мира. Преобладание рефлексивного вектора просто теряет смысл для развития индивида при декомпенсированных влечениях и дефиците информации извне.

Представленная модель открыта для дальнейшего исследования, направленного на уточнение механизмов ее функционирования, проверку достоверности гипотетических построений в практических условиях. В дальнейшем предполагается проведение специальных работ, связанных с построением алгоритмического эквивалента процессов, описанных в данной теоретической модели, переводом данных на язык математического моделирования с использованием адекватных знаковых систем.

Т.Г.Журавлева

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИМПТОМОКОМПЛЕКСА МАСКУЛИННОСТИ-ФЕМИНИННОСТИ У ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ

У статті розкрито структурні та функціональні особливості симптомокомплексу маскулінності-фемінінності у підлітків жіночої статі, які виховуються в родинах з різною структурою. Зроблено висновок про те, що у підлітків з функціональних неповних родин характерною є наявність деформації структури симптомокомплексу маскулінності-фемінінності у бік прояву невротичних рис.

В современной психологической литературе симптомокомплекс маскулинности-феминности рассматривается как стержневое личностное образование, которое во многом определяет особенности когнитивного и социального поведения личности (1-5). Изучены отдельные вопросы возрастной динамики развития указанного симптомокомплекса (1,3), его связи с обеспечением социальной адаптации личности (1,4), показано, что нарушения в структуре полоролевого симптомокомплекса способствуют формированию невротических и психосоматических расстройств (4,5).

Продолжая данную исследовательскую традицию, **целью настоящего исследования** мы поставили изучение структурных и функциональных особенностей симптомокомплекса маскулинности-феминности у пубертатных подростков женского пола, воспитывающихся в семьях разного типа (полных и неполных).

Материал исследования: обследованы 60 подростков женского пола в возрасте 14-15 лет из полных функциональных (ФПС) и неполных функциональных (ФНС) семей, которые, пройдя период становления полового самосознания, не завершили еще полоролевою социализацию.

Методики исследования: проективные рисуночные тесты ("Рисунок семьи" и "Рисунок несуществующего животного"), полоролевая ACL-шкала А.В. Нейлбрун (6), опросник Басса-Дарки, опросник диагностики тревожности Ч. Спилбергера-Ю. Ханина, опросник уровня субъективного контроля Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда, методика диагностики стилей реагирования на конфликт Томаса-Килмана (7), опросники диагностики потребности в одобрении и склонности к риску, опросник изучения эмпатии И.М. Юсупова, опросник изучения мотивации достижений А. Меграбяна (7).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Исследовательскую выборку составили девочки-подростки из функциональных полных (ФПС) и функциональных неполных (ФНС) семей. Операциональными критериями функциональности при этом мы считали: 1) наличие близкого эмоционального контакта между родителями; 2) наличие близкого эмоционального контакта ребенка с родителями; 3) отсутствие частых ссор и конфликтов между членами семьи. Выявление соответствия семей подростков указанным критериям осуществлялось при помощи беседы и на основе результатов названных выше проективных рисуночных методик.

На рисунках 1 и 2 приведены структуры симптомокомплекса маскулинности-феминности (корреляционные плеяды) у девочек-подростков из ФПС и ФНС.

Как видно из рисунка 1, в группе девочек-подростков из ФПС актуальная маскулинность связана с маскулинностью отца, а актуальная феминность — с феминностью матери. Иными словами, истоком маскулинных образований для них служат маскулинные образования отца, а феминных — феминные образования матери. Маскулинные и феминные структуры у девочек-подростков из ФПС расщеплены и связаны через идеальные М/Ф-образования (что подтверждает, в частности, идею А.К. Дусавицкого (2) о главенствующей роли в структуре личности идеал-образований).

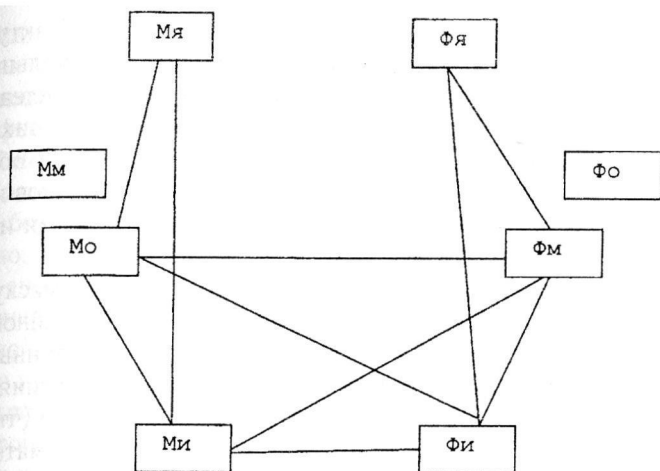

Рис.1. Структура связей в рамках М/Ф-симптомокомплекса у девочек-подростков из функциональных полных семей.

Примечание: Мя – собственная маскулинность, Ми – идеальная маскулинность, Фя – собственная фемининность, Фи – идеальная фемининность, Мо – маскулинность отца, Фо – фемининность отца, Мм – маскулинность матери, Фм – фемининность матери (оценка всех показателей соответствует представлениям испытуемых).

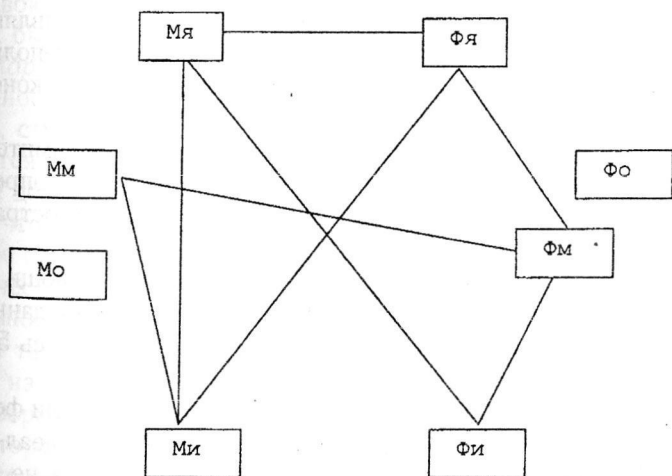

Рис.2. Структура связей в рамках М/Ф-симптомокомплекса у девочек-подростков из функциональных неполных семей.

Примечание: обозначения аналогичны использованным в рис. 1.

Как видно из рис. 2, у девочек-подростков из ФНС актуальная фемининность связана с фемининностью матери, а актуальная маскулинность — с маскулинностью и фемининностью “Я”-идеального. Иными словами, истоком фемининных образований для них (как и для девочек-подростков из ФПС) являются фемининные образования матери. Маскулинная же структура у девочек-подростков из ФНС оказывается связанной с некоторыми идеал-образованиями и фактически является несформированной.

В ФПС маскулинные образования девочек задаются маскулинными образованиями отца. В связи с тем, что в неполной семейной структуре отец отсутствует и идентификация с ним по маскулинным качествам невозможна, девочки из ФНС формируют представления об идеальной маскулинности, основываясь на материнском образе (что видно из наличия связей между Мм и Ми). Фактически образ матери расщеплен на маскулинный и фемининный образы, близко связанные между собой. Т.е. в представлениях девочек из ФНС мать выступает в двух ипостасях — мужской и женской. Одновременно формируются и представления об образе хорошего отца, который также должен сочетать в себе и маскулинные, и фемининные качества. Иными словами, уже в препубертатном и пубертатном периодах психосексуального развития у девочек формируются некоторые установки относительно полоролевого поведения мужчин и женщин и их роли в семейной жизни. Отметим, что наличие инфантильной структуры М/Ф-симптомокомплекса и указанных выше особенностей полоролевых установок, являющееся следствием именно специфики социализации девочек в неполных семьях, может спровоцировать серьезные внутриличностные конфликты и стать выраженным невротизирующим фактором.

Мы исследовали также функциональную структуру симптомокомплекса маскулинности-фемининности (т.е. постарались определить круг психологических составляющих, на которые распространяется его воздействие).

Чисто методически мы разрешили этот вопрос при помощи использования факторного анализа (метод Varimax) полученных данных.

В результате у девочек-подростков из ФПС выделились 5 основных факторов.

1. *Фактор идеальной фемининности*, который составили фемининность матери и фемининность отца как некоторые идеал-образования. Главенствующее положение данного фактора не случайно, поскольку именно у девочек пубертатного возраста фемининные качества выходят на первый план, обеспечивая как принятие собственной половой роли, так и наличие некоторого идеала

женщины, к которому следует стремиться. Интересно, что этот идеал предполагает отсутствие личностной тревожности и перекладывание ответственности за свои неудачи (прежде всего, в профессиональной сфере) на других.

2. *Фактор социальной адаптации*, включающий ответственность за состояние своего здоровья, а, следовательно, и уход от реальной борьбы и реального разрешения конфликтных ситуаций. Понятно, что предпочтение компромисса и приспособления как основных способов реагирования на конфликт часто просто не позволяет девочкам-подросткам из ФПС добиваться своего, достигать намеченной цели и может приводить к появлению подозрительности и даже враждебности по отношению к более "сильному" окружению.
3. *Фактор соперничества*, закономерно связанный с предыдущим фактором и включающий в себя общую агрессивность, негативизм и потребность в достижениях.
4. *Фактор маскулинности*, Особенностью которого является то, что с точки зрения девочек-подростков из ФПС женская маскулинность не предполагает интернальности.
5. *Фактор эмпатии*. Отметим, что традиционно эмпатию считают одной из составляющих фемининности. Однако у девочек-подростков из ФПС эмпатия никак не связана с фемининностью, однако представляется им настолько важной типично женской чертой, что может быть выделена в отдельный фактор.

В свою очередь, для девочек-подростков из ФНС в качестве основных были выделены следующие 5 факторов.

1. *Полоролевой фактор*, включающий в себя актуальную маскулинность, актуальную и идеальную фемининность. Таким образом, структура М/Ф-симптомокомплекса у девочек из ФНС является недифференцированной и инфантильной (к 14-15 годам уже должно было бы произойти ее расщепление).

О том, что данная структура внутренне конфликтна, свидетельствует ее связь с ситуативной и личностной тревожностью, что поведенчески проявляется в форме общей агрессивности и раздражительности.

Следует также отметить, что полоролевой фактор у девочек-подростков из ФНС внутренне противоречив, поскольку предполагает одновременное наличие как агрессивности, так и эмпатии (т.е. факторов, традиционно считающихся несовместимыми).

2. *Фактор соперничества*, прежде всего предполагающий интернальность, но психологически не связанный с маскулинными образованиями, поскольку девочки из ФНС в процессе своего личностного становления были лишены влияния отца.

3. *Материнский фактор.* Включение в этот фактор как фемининности, так и маскулинности матери, т.е. недифференцированность материнского М/Ф-симптомокомплекса (на уровне "Я"-концепции самих девочек-подростков) – это, с одной стороны, проявление их полоролевого инфантилизма. С другой стороны, такая недифференцированность может быть объяснена двойственностью роли и положения матери в неполных семьях: мать отвечает за все, решает все проблемы семьи, а это одновременно может приводить и приводит к формированию у нее подозрительности и враждебности по отношению к окружающим.

4. *Фактор обиды.*

5. *Фактор чувства вины.*

Два последних фактора позволяют говорить о том, что социализация девочек-подростков из неполных семей приводит к формированию в их личностной структуре чувства обиды и чувства вины как невротизирующих образований.

Итак, полученные данные свидетельствуют о различии структурной и функциональной организации симптомокомплекса маскулинности-фемининности у девочек-подростков из полных и неполных семей и позволяют утверждать, что именно отсутствие отца приводит к формированию у девочек к подростковому возрасту новых эмоциональных образований (стремление к соперничеству, чувство обиды и чувство вины, личностная тревожность), определяющих наличие внутрличностной конфликтности и качество их социальных контактов.

Таким образом, процесс становления полоролевой идентичности и формирования полоролевого поведения у пубертатных подростков женского пола находится в тесной связи со структурой семьи.

Литература:

1. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // *Вопр. Психологии.* – 1992. – №4. – С.74-82.
2. Дусавицкий А.К. Структура личности как предмет психологического исследования // *Вестник Харьковского университета.* №366. – Психология личности и познавательных процессов. – Харків, 1992. – С.3-7.
3. Каган В.Е. Половая идентичность у детей и подростков в норме и патологии. Автореф. Дис. ... докт. Мед. Наук (19.00.04; 14.00.18). – Л., 1991. – 33 с.
4. Кле М. Психология подростка. Психосексуальное развитие. – М., 1991. – 172 с.
5. Кочарян А.С. Личность и половая роль (симптомокомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии). – Х., 1996. – 127 с.

6. Heilbrun A.B. Human sex role behavior. — New York: Pergamon, 1981. — 207 p.
7. Testy psychologiczne w poradnictwie wychowawczo-zawodowym. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980. — 591 s.

Е.В. Заика

ОСОБЕННОСТИ НЕПРОИЗВОЛЬНОГО ЗАПОМИНАНИЯ ФОНОВОГО ЗРИТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

Результати експериментального дослідження свідчать, що ефективність запам'ятовування фігур, які входять у фон діяльності і не зв'язані з її метою та засобами, виявляються у цілому досить низькою, все ж таки значно більша, щодо добре знайомих фігур, які співвідносяться з цілісними еталонами пам'яті, у порівнянні з фігурами малознайомими, які співвідносяться з еталонами фрагментарними.

Одно из выдающихся достижений деятельностного подхода к памяти, наиболее интенсивно разрабатывавшегося в 40 — 60-е годы в отечественной психологии, — открытие следующего закона функционирования произвольной памяти: наиболее эффективно запоминается тот материал, который составляет содержание основной цели деятельности, менее эффективно — тот, который входит в условия и способы достижения цели, и совсем неэффективно — тот, который составляет фон протекания деятельности и своим содержанием не связан ни с целью, ни со способами ее достижения. Обоснование этого закона дано в ставших классическими экспериментах П.И.Зинченко с произвольным запоминанием изображенных на карточках рисунков и чисел [5], исследованиях А.А.Смирновым ретроспективных отчетов о целенаправленной деятельности [6], а также в многочисленных последующих исследованиях, описанных в [4].

В дальнейшем основной задачей исследований памяти выступило детальное изучение условий и возможностей максимально эффективного запоминания материала, входящего в цель, и было показано, в частности, что его запоминание существенно зависит от состава способов и содержания мотивов осуществляемой деятельности [4,5]. При этом гораздо меньше внимания уделялось изучению закономерностей запоминания материала, входящего в фон.

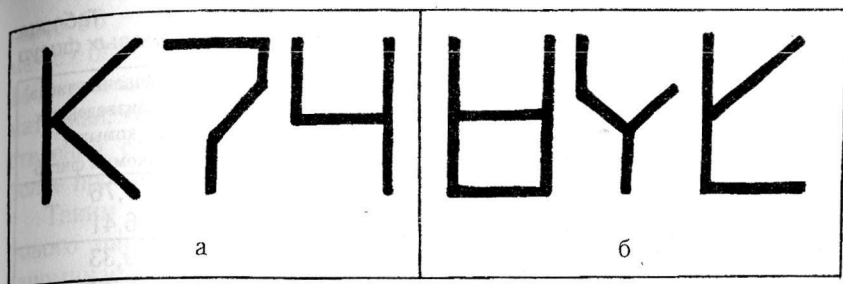
В ряде исследований, выполненных как в зарубежной, так и в отечественной психологии, было показано, что эффективность запоминания фонового материала, всегда оставаясь невысокой и характеризуясь более низкими показателями по сравнению с запоминанием

целевого материала, тем не менее может варьировать в достаточно широких пределах: от практически полного отсутствия запоминания материала до вполне ощутимых показателей, свидетельствующих о весьма приличном уровне его запечатления, иногда даже приближающемся к результатам запоминания целевого материала [1,7]. В качестве факторов, детерминирующих эти вариации, рассматривались ситуативный / вызванный инструкцией или экспериментальными условиями / и постоянный / связанный с индивидуальными особенностями нервных процессов / уровень ориентировочной активности испытуемых, степень эмоциональности и стрессогенности фонового материала, уровень организованности и сложности целенаправленной деятельности и др., и показан их вклад в эффективность запоминания фонового материала.

В нашем эксперименте изучалась зависимость произвольного запоминания фонового материала от вида соответствующих ему эталонов долговременной памяти: целостных или фрагментарных. Целостные эталоны, соответствующие хорошо знакомому материалу, функционируют как единые неразложимые мнемические единицы, а фрагментарные, соответствующие незнакомому или мало знакомому материалу — как комплексы хотя и взаимосвязанных, но легко разъединяющихся элементарных эталонов, соответствующих отдельным линиям, углам, изгибам и т.п. [2,3]. Показано, что зрительное восприятие и запоминание фигур в различных условиях затрудненного их видения существенно зависит от вида соответствующих им эталонов: при целостных восприятие быстрее и точнее и запоминание полнее [3]. При этом восприятие фигур составляло основную цель действия испытуемых, т.е. они входили в целевой материал.

Возникает вопрос: если рассматривать факт вхождения материала в фон как специфическое условие, затрудняющее его восприятие, то сохранится ли такое преимущество хорошо знакомых фигур перед незнакомыми и в том случае, когда они составляют не цель перцептивного действия, а входят в фон какого-либо иного, например, практического действия? Другими словами: влияет ли факт хорошей знакомости, привычности фигур на эффективность их произвольного запоминания, если они выступают в качестве никак специально не акцентируемого фона протекания какой-либо деятельности?

Экспериментальный материал — набор из 16 картонных фигур, 8 из которых — хорошо знакомые, соответствующие целостным эталонам памяти, а другие 8 — незнакомые, соответствующие фрагментарным эталонам (см. рис.), оба набора фигур приблизительно уравнены по показателям их геометрической сложности [2]. Фигуры раскладываются на большом листе ватмана в случайном порядке, так, чтобы не образовывалось каких-либо строк, столбцов или осмыслен-

ных изображений, но для всех фигур соблюдается вертикальная ориентация (как на рис).

Испытуемому предлагается вычерчивать фломастером на ватмане задаваемые экспериментатором линии, огибая при этом лежащие на нем в беспорядке фигуры как препятствия. При этом целью действия испытуемого выступает вычерчивание требуемой линии, а фигуры-препятствия представляют собой фоновые условия действия, т.к. с точки зрения стоящей перед испытуемым цели, необходимой и достаточной является его ориентировка лишь на сам факт нахождения фигуры-препятствия, а не на нюансы ее контура или на ее семантическое содержание. Инструкция испытуемому: "Исследуется координированность Ваших движений руками. Ваша задача – вычерчивать на ватмане различные линии – в том направлении, которое я укажу. Руку с фломастером держите на весу и не прикасайтесь к лежащим на бумаге маленьким картонным фигуркам. Если фигурка окажется на пути движения фломастера, то аккуратно обойдите ее, ни в коем случае не сдвигайте. Естественно, требуемые линии получатся неровными, но пусть Вас это не смущает". Затем испытуемому предлагается провести диагонали из правого верхнего угла в левый нижний, из левого верхнего в правый нижний; две вертикальные линии, разделяющие лист на три приблизительно равные части.

После проведения последней линии лист ватмана с лежащими на нем фигурками прикрывается. Далее испытуемые в случайном порядке делятся на две группы: в первой группе воспроизведение берется сразу же после прикрытия ватмана /непосредственное/, во второй – после 30 – 35-секундной отвлекающей беседы на темы, не связанные с экспериментом. Испытуемым говорится: "А теперь вспомните все фигурки, которые Вы видели на листе. Зарисуйте их как можно более точно".

Испытуемые – школьники 11-го класса в возрасте 16 – 17 лет, 16 юношей и 14 девушек (соответственно по 8 и по 7 в каждой из двух подгрупп).

Таблица
Показатели произвольного запоминания фоновых фигур

Условие воспроизведения	Испытуемые	Количество воспроизведенных фигур / и их доля в % к общему их числу /		Соотношение числа воспроизведенных знакомых и незнакомых фигур
		знакомых	незнакомых	
Непосредственные	юноши	1,88 / 23% /	0,50 / 6% /	3,76
	девушки	1,86 / 23% /	0,29 / 4% /	6,41
Отсроченное на 30-35 сек.	юноши	1,12 / 14% /	0,12 / 2% /	9,33
	девушки	0,86 / 11% /	0,14 / 2% /	6,14

Результаты, представленные в таблице, показывают, что эффективность произвольного запоминания хорошо знакомых фигур, соответствующих целостным эталонам памяти, во всех случаях гораздо выше по сравнению с запоминанием незнакомых фигур такой же геометрической сложности, но соответствующих фрагментарным эталонам /различия значимы по критерию знаков, для непосредственного воспроизведения $p = 0,0005$, для отсроченного – $0,005$ /.

Следовательно, эффективность произвольного запоминания материала, составляющего фон целенаправленной деятельности, оставаясь в целом довольно низкой, тем не менее существенно зависит от типа эталонов долговременной памяти, соответствующих этому материалу. При прочих равных условиях /одинаковое время пребывания материала в поле зрения испытуемого, их геометрическая сложность, размеры и т.п./ фоновые фигуры, соответствующие целостным эталонам, запоминаются и сохраняются в памяти гораздо лучше, чем фигуры, соответствующие эталонам фрагментарным /примерно в 4-9 раз/. Имеющиеся у человека целостные эталоны проявляют достаточно высокую произвольную "чувствительность" к соответствующему им материалу, оказавшемуся в поле зрения человека, даже если этот материал не входит в содержание цели, а составляет лишь фон осуществляемой деятельности. При отсутствии сколько-нибудь выраженного осознаваемого намерения человека и параллельно основной его деятельности они совершают как бы некоторую добавочную и относительно продуктивную активность – обеспечивают восприятие и запоминание около 25% такого фонового материала! В то же время фрагментарные эталоны подобной "чувствительности" и активности не проявляют и обеспечивают восприятие и запоминание соответствующего им фонового материала лишь на уровне случайности – не более 4-6%. Вместе с тем, судя по результатам отсроченного воспроизведения, образы памяти, возникающие в этих условиях, оказываются при любом виде эталонов: и при целостных, и при фрагментарных – крайне неустойчивыми, и уже

через 30 – 40 сек. после исчезновения материала из поля зрения может быть воспроизведена примерно лишь половина из них: 11 – 14% при целостных эталонах и 2% при фрагментарных. /Сравним: материал, который входит в цель деятельности или способы ее осуществления, сохраняется, как показано в ряде исследований [4], гораздо более прочно и за 30 – 40 секунд забывается весьма незначительно/.

Таким образом, особенности произвольного запоминания фонового зрительного материала – следующие: 1) более эффективно запоминается хорошо знакомый материал, соответствующий целостным эталонам, и гораздо менее эффективно – малознакомый, соответствующий эталонам фрагментарным /заметим: речь идет лишь об относительной, а не абсолютной эффективности; оба вида материала запоминаются плохо, но при этом знакомый – несколько лучше незнакомого/, 2) продуктивность такого запоминания фонового материала сравнительно высока лишь в первые несколько секунд после его восприятия, в дальнейшем эффективность его воспроизведения быстро снижается уже в течение последующих нескольких секунд.

Список литературы:

1. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М., 1982.
2. Грановская Р.М. Восприятие и модели памяти. – Л., 1974.
3. Заика Е.В. Функции долговременной и кратковременной памяти в формировании перцептивного образа // Познавательные процессы. – Ярославль. – С. 3 – 23.
4. Заика Е.В. Экспериментальная психология памяти. – Харьков, 1992.
5. Зинченко П.И. Произвольное запоминание. – М., 1961.
6. Смирнов А.А. Избранные психологические труды: В 2-х т. – Т.2. – М., 1987.
7. Хофман И. Активная память: Пер. с нем. – М., 1986.

Е.В. Заика

ТРЕНИНГ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ШКОЛЬНИКОВ: ИГРЫ И УПРАЖНЕНИЯ С ТЕКСТАМИ

Описані 11 вправ з текстами, які проводяться у ігровому тренінгу школярів з метою розвитку їх мислення, пам'яті та уваги. Наведені також деякі тексти, які рекомендується використовувати на тренінгових заняттях.

В разрабатываемой нами системе игрового тренинга познавательных процессов школьников: мышления, памяти, воображения – важное место занимают многочисленные игры и упражнения с использованием текстового материала. Опыт нашей работы показал, что опти-

мальными являются небольшие тексты (объемом 70 – 130 слов), написанные простым, доступным языком и нередко с юмором; содержание текстов – бытовое или научно-популярное. Описываемые в тексте явления и употребляемые при этом слова должны быть хорошо знакомы ребенку.

Подробное описание игр и упражнений с текстами и условий их проведения даны в наших статьях в журналах “Вопросы психологии”, 1990, № 6; 1991, № 6; 1995, № 1; “Наука и жизнь”, 1991, № 4; “Спутник”, 1992, № 4; “Обдарована дитина”, 1998, № 5-6; “Практична психологія та соціальна робота”, 1998, № 6-7 и др. В настоящей статье представлена краткая сводка основных игр и упражнений с текстами и приведены сами тексты, используемые нами на групповых занятиях школьников по игровому тренингу их познавательных процессов и рекомендуемые школьным психологам и учителям для работы с детьми.

Основные задания, предлагаемые школьникам при работе с текстами:

1. Сокращение рассказа. Требуется значительно уменьшить объем рассказа, сделав его предельно коротким, т.е. свести его лишь к 1-2-3 предложениям, передающим только самое главное в его содержании.

2. Придумывание заглавий. Надо предложить несколько различных вариантов названия рассказа – таких, чтобы они одновременно и отражали его основное содержание (или возможно, вытекающую из него мораль), и были образными, заинтересовывающими (возможно, юмористическими).

3. Составление плана. Необходимо выделить в рассказе 2-3-4 его смысловые части, затем сформулировать основное содержание каждой из частей и подобрать к ним названия. Полученные таким образом пункты плана необходимо затем соотнести друг с другом и сократить, сведя каждый лишь до 1-2-3 ключевых слов или словосочетаний.

4. Пересказ другими словами. Необходимо на основе исходного рассказа составить новый – по содержанию практически идентичный предъявленному, но по форме – совершенно другим: с использованием иных слов и иных конструкций предложений. Разрешается брать из исходного рассказа лишь 1-2-3 заранее оговоренных ключевых слова и вспомогательные части речи (предлоги и союзы).

5. Формулировка вывода. На основе содержания рассказа необходимо эксплицировать и четко сформулировать вытекающие из него вывод или нравоучение, – т.е. такую информацию, которая в самом рассказе не представлена совсем (или представлена лишь намеком), но тем не менее является его сутью, “солью”.

6. Придумывание интересного конца. В исходном рассказе школьный психолог убирает 1-2-3 последних предложения и зачитывает ребятам лишь его начало и середину. Необходимо самостоятельно придумать концовку, максимально используя всю информацию, содержащуюся в его предъявленной части, и сделать ее по возможности своеобразной, захватывающей или поучительной.

7. Восстановление пропущенной фразы. В исходном рассказе психолог убирает 1-2 предложения, находящихся в середине и содержащих в себе такую информацию, которая является “ключом” для понимания последующих фраз или конца рассказа, вместо них ставится многоточие. Задача игроков: имея начало и конец текста, восстановить содержание пропущенного, и при этом сформулировать его максимально четко и кратко.

8. Восстановление ключевых слов. В исходном рассказе психолог убирает 1-2-3 ключевых (т.е. самых центральных, “сквозных”) слова и заменяет их неопределенными словами типа: некто, нечто, эта штука, — если они существительные, и типа: кое-что сделал, совершил нечто, — если глаголы. Задача ребят: прослушав или прочитав текст с неопределенными словами, восстановить исходные, используя для этого всю информацию, которую они могут почерпнуть из текста.

9. Чтение текста с пропущенными словами. Исходный текст трансформируется таким образом, что в некоторых его предложениях устраняется 1-2 слова и вместо них ставятся прочерки. Задача ребят: внимательно вчитываясь в такой текст, по возможности быстро и точно восстановить все пропущенные слова, опираясь на смысл соседних слов и содержание всего текста. Количество пропущенных слов должно быть таким, чтобы, с одной стороны, текст в принципе вполне можно было бы восстановить, но, с другой стороны, такое восстановление потребовало бы немалой умственной работы игроков и приводило бы их к выдвижению нескольких различных гипотез о содержании текста.

10. Чтение текста с пропущенными буквами. Исходный текст трансформируется таким образом, что в некоторых его словах устраняется по 40-60% букв и вместо каждой из них ставится точка. Например, фраза: “Ежедневно до пути к местам своего кормления обезьяны пробегают мимо автоматов” преобразуется так: “Ежедн... по пути к местам своего к..мл..ия обезьяны про...ают мимо ..томатов”. Задача ребят: быстро и точно уловить содержание текста, несмотря на такие пропуски букв, и вместо точек вписать необходимые буквы.

11. Составление рассказа по алгоритму. На основе содержания рассказа необходимо построить новый — в котором бы описываемые

в нем факты приводились бы в иной последовательности, заранее оговоренной ведущим и игроками (например, сперва сам факт — затем его последствия — затем его предыстория — затем второстепенные детали — затем описание окружающей обстановки; подобная последовательность составляется отдельно для каждого рассказа, с учетом его конкретного содержания и возможности манипулировать с ним).

Результаты проведенных игр и упражнений обязательно обсуждаются всеми участниками тренинга и на основе этих обсуждений коллективно составляется (или выбирается из предложенных) оптимальный, самый удачный вариант выполнения каждого из перечисленных заданий.

Ниже приведены тексты, предлагаемые ребятам для выполнения заданий. Тексты взяты из газет и научно-популярных журналов, часть из них в большей или меньшей степени изменены нами.

ТЕКСТ № 1.

Один японский репортер прослышал, что обезьяны, живущие вблизи города Осака, ведут себя вполне “по-человечески”. На одной из автостоянок для туристов они подходят к автоматом, бросают в щель монету в сто иен и вынимают из автомата банку с фруктовым соком. Репортер поспешил проверить этот слух. Действительность оказалась не такой интересной, как в рассказах “очевидцев”. Ежедневно по пути к местам своего кормления обезьяны пробегают мимо автоматов. Они ожидают там, пока турист бросит монету в автомат. Затем они прогоняют туриста, хватают банку с соком и убегают. Банки они научились открывать артистически.

ТЕКСТ №2.

Оригинальный способ наказания применяет дорожная полиция в Рио-де-Жанейро к тем, кто нарушает правила парковки автомобиля. Если машину оставляют где не положено, на нее наклеивают большой плакат, гласящий: “Здесь стоянка запрещена”, притом на переднее стекло и таким клеем, что снять его можно лишь после часа усиленного труда. Как только ввели эту меру наказания, число нарушителей сразу сократилось в три раза.

ТЕКСТ №3.

Все началось с того, что стрелочник Джеймс Уайт из южноафриканского города Порт-Элизабет потерял обе ноги в результате железнодорожной катастрофы. Выйдя из больницы, Уайт серьезно задумался о будущем: передвигаться нелегко, а потеря работы означает нищету. И тогда он начал дрессировать бабуина, которого назвал Джеком. Обезьяна сравнительно быстро научилась доставать воду из

колодца, выполнять простую домашнюю работу и даже окапывать деревья в саду. После этого Уайт приступил к основному. В течение нескольких месяцев он приучил Джека переводить железнодорожную стрелку. Джек оказался настолько способным, что за девять лет, в течение которых помогал хозяину, не допустил ни одной ошибки.

ТЕКСТ № 4.

Неожиданно закончился воровской налет на квартиру жителя Запорожья Николая П. Хозяин, воспитывающий двухлетнего буль-терьера, которого боялся весь подъезд, был уверен, что собака защитит от грабителей лучше любых замков и сигнализации. Поэтому, уходя в магазин, просто прикрыл дверь.

Этим и воспользовались домушники. Легко проникнув в помещение, они бросили разъяренному булью фуфайку, и тот... схватил ее всей мощью хватки. При этом челюсти пса так сжались, что разжать без посторонней помощи было просто невозможно. Налетчики подняли фуфайку вместе с собакой и водрузили на вешалку. Затем, "наведя в хате порядок", пропали.

Будь висел в прихожей, пока не вернулся хозяин. Глаза собаки были полны выражения исполненного долга. Пес никак не мог понять причины негодования своего кормильца...

ТЕКСТ № 5.

Крепко подвело одного незадачливого водителя из Кирова пристрастие к спиртному. Заехав в конце рабочего дня в питейное заведение, он несколько увлекся и провел за стойкой чуть больше времени, чем намеревался поначалу. А когда вышел на улицу, то не обнаружил своей машины. Позвонив по "02", сообщил в милицию об угоне, после чего вернулся в бар, дабы залить горе. Когда заведение закрылось, бедолага побрел домой и за первым же углом наткнулся на родной автомобиль, мирно стоящий там, где он его и оставил: искал-то, как оказалось, совсем не в том месте — рюмка мозги затуманила. Обрадованный вновь обретенным средством передвижения, мужчина уселся за руль, но был остановлен на ближайшем перекрестке — машина уже находилась в розыске... Результат печален — лишение прав за вождение автотранспорта в нетрезвом состоянии.

ТЕКСТ № 6.

Западногерманский бизнесмен Х. Фостер из Кельна ведет крестовый поход против курения. Он придумал, как заставить своих работников отказаться от этой дурной привычки. Всем, кто перестал курить, Фостер выплачивает ежемесячно по сто марок. Из сорока пяти его подчиненных тридцать шесть, услышав такое предложе-

ние, согласились оставить сигареты. Если кто-то начнет курить вновь, Фостер намерен удержать с него всю сумму, выплаченную как дополнительное вознаграждение.

ТЕКСТ № 7.

Один из магазинов верхнего платья во французском городе Бордо трижды подвергался ограблению, причем виновником каждого из них оказался в итоге один и тот же человек. Представ перед судом, грабитель заявил, что у него имеется смягчающее вину обстоятельство. Дело в том, что он собирался ограбить магазин только один раз – самый первый. Что же касается второго и третьего раза, то тут, скорее, виновата его жена, поскольку ей никак не подходило пальто, украденное первоначально, и она настаивала на его замене.

Суд, рассматривавший дело, признал представленные ему доказательства как смягчающие вину и вынес приговор, по которому грабитель осуждался только за один взлом.

ТЕКСТ № 8.

Почтовый работник из Чикаго Джек Хоббс чрезвычайно рассеян – вечно забывает в транспорте перчатки, зонты – словом, все что держит в руках.

Зная эту особенность Хоббса, друзья все же рискнули подарить ему на день рождения очередной зонт. Но понимая, что долго, подарок у Хоббса все равно не задержится, они предложили ему выбить на ручке зонтика свое имя, адрес и такой текст: “Если вы найдете мой зонт, не возвращайте его! Лучше пришлите доллар в качестве компенсации”.

Друзья оказались правы: через неделю Хоббс оставил их подарок в метро. Но каково же было их удивление, когда они узнали, что за полгода Хоббс получил 12 долларов!

ТЕКСТ № 9.

Японские специалисты обслуживающие компьютеры, давно заметили, что злейшие враги больших ЭВМ – крысы. По вине грызунов каждый год выходят из строя важные системы электронного управления на железных дорогах, в производстве, в торговле... Считалось, что привлекает крыс “вкусная” изоляция кабелей, которую они перегрызают вместе с проводами. Однако при дополнительном исследовании выяснилось, что животные реагируют главным образом на ультразвуковые колебания определенных частот, возникающие при работе ЭВМ. Наиболее привлекают их частоты, на которых животные общаются между собой, – около двадцати четырех килогерц. На основе этого открытия сконструированы ловушки для крыс.

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ БОЛЬНЫХ ДИАБЕТОМ 1 ТИПА СТАРШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

В статті наводяться результати обстеження самооцінки підлітків хворих на цукровий діабет 1 типу в порівнянні з групою практично здорових підлітків.

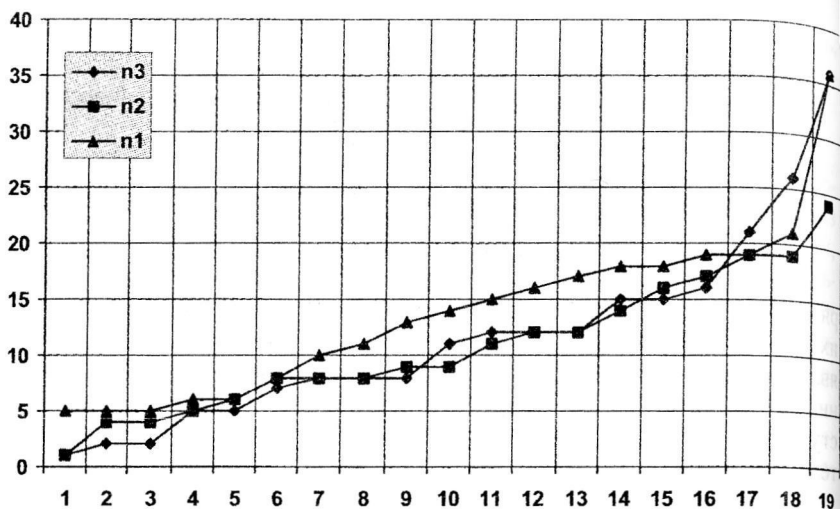
Самооценка, являясь компонентом самосознания, включает наряду со знанием человека о себе оценку человеком самого себя, своих способностей, нравственных качеств и поступков. Самооценка является важным регулятором поведения личности. Ее формирование зависит от многих факторов: оценки окружающих (на ранних ступенях развития ребенка), оценки результатов собственной деятельности, принятия себя как личности и др.

На базе Харьковской областной санаторной школы для детей больных диабетом было проведено исследование самооценки 23 подростков 14-15 лет больных сахарным диабетом 1 типа, 19 подростков 14-15 лет группы риска по состоянию здоровья, обучающихся в этой же школе. Контрольная группа практически здоровых подростков (23 человека) была обследована на базе 107 с. ш. г. Харькова в сентябре 1998.

Цель исследования: определение особенностей самооценки больных диабетом 1 типа старшего подросткового возраста для разработки программы психокоррекции в процессе реабилитации.

Метод исследования: был применен личностный дифференциал, который отличается краткостью метода и может быть использован во всех случаях, когда необходимо получить информацию о субъективных аспектах отношений испытуемого к себе. Личностный дифференциал дает возможность получить данные по показателям уровня самоуважения, доминантности-тревожности и экстраверсии-интроверсии. Разница в значениях Оценки (О), фактора Силы (С), и фактора Активности (А) служит показателем гармоничности самооценки (п). Т.е. если человек имеет высокие показатели по фактору О, свидетельствующие об уровне самоуважения и низкие показатели по фактору С, свидетельствующие об осознании испытуемым развитием волевых сторон своей личности, то показатель п, будет иметь высокое значение, свидетельствующее о дисгармоничной самооценке.

Результаты исследования: Ниже представлен график коэффициентов p_1 — больных диабетом 1 типа старшего подросткового возраста, p_2 — подростков того же возраста из группы риска по состоянию здоровья (в настоящее время практически здоровых детей), обучающихся с этой же школы, p_3 — группы практически здоровых

детей, обучающихся в общеобразовательной школе. $n = (IOI - ICI) + (IOI - IAI)$. Из графика видно, что число практически здоровых подростков с показателем $n < 12$ и $n = 12$ полностью совпадает с числом подростков из группы риска (в настоящее время практически здоровых) и составляет 68,4% от всех испытуемых. Число подростков больных диабетом с соответствующими значениями n составляет 52,6% от всех испытуемых. С показателями $n > 12$ соответственно 31,6% и 47,4%

В связи с тем, что исследование проводилось на группе малой выборки, достоверность результатов достаточно низка. Однако, полученные данные подтверждают вывод группы ученых из Москвы М. И. Мартынова, Л. В. Сапелкина, В. В. Смирнова, З. Г. Костюнина о необходимости проведения с больными сахарным диабетом 1 типа не только медико-психологической, но и педагогической коррекции и позволяет, основываясь на полученных данных разработать и провести соответствующую коррекцию для данной группы..

Литература:

1. Лучшие психологические тесты, сост. Е. А. Дружинина, Харьков, "Принтал", 1994.
2. Учебно-методические рекомендации по психодиагностике личности, Сост. Е.Ф. Иванова, И.М. Мельник, – Харьков: ХГУ, 1993.
3. Психологические и социальные аспекты обучения самоконтролю пациентов с сахарным диабетом. Материалы научно-практического симпозиума. / Под ред. М. В. Богомолова. 1993.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИГРА "НОВЫЙ ГОРОД"

В статті надається сценарій нової психологічної гри, основна мета якої розвиток мислення дітей молодшого шкільного віку.

Одним из направлений работы школьного психолога является развитие способностей учащихся. С этой целью были разработаны психологические игры, которые в сочетании с упражнениями по развитию мышлению, воображения и памяти школьника входят в общий тренинг по развитию познавательных и творческих способностей.

Ниже приводится полный сценарий одной из таких игр.

Основная цель игры: развитие наглядно-образного мышления детей младшего школьного возраста.

Игра рассчитана на группу детей 7 – 9 человек (может быть использована в индивидуальной работе).

Для проведения необходимо иметь бланки нижеприведенного образца (которые при необходимости не сложно изготовить каждому участнику тренинговой группы непосредственно перед началом игры; карточки небольшого произвольного формата, по количеству равные $n \times n$, где n – число участников группы; бумажные конверты либо специальные сшитые карманы по количеству равные n .

Игра проводится в два этапа.

Ведущий раздает каждому участнику два бланка (в дальнейшем "карты города"), чистые карточки ("пригласительные билеты") в необходимом количестве и конверты или сшитые карманы.

ПЕРВЫЙ ЭТАП – "Благоустройство города".

ИНСТРУКЦИЯ УЧАСТНИКАМ:

"Перед Вами "Карта города" (ведущий показывает бланк), в которой "X" обозначен его центр. Каждый сможет принять участие в "благоустройстве города", которое будет проводиться так – один из игроков скажет: "От центра города две клеточки вверх, одна клеточка вправо, одна клеточка вниз – здесь будет клумба красных цветов". Все участники сверяются, правильно ли они поняли координаты "клумбы", после чего каждый рисует в нужном квадрате красный цветок".

Ведущий предлагает каждому участнику аналогичным образом принять участие в "благоустройстве", размещая цветы, деревья, скамейки и др.

Сверка происходит после каждого размещения "нового объекта".

ЭТАП ВТОРОЙ – "Приглашение на новоселье".

Каждому участнику присваивается одно – либо двузначный номер (в дальнейшем это будет номер его дома).

Ведущий предлагает всем заполнить карточки – “пригласительные билеты”, проставив на них свой номер и “пригласить друзей на новоселье” – каждый из участников тренинга раздает остальным карточки с проставленными на нем своим номером.

ИНСТРУКЦИЯ ГРУППЕ: “Аккуратно перерисуйте на второй бланк все условные обозначения с “первой карты”. Выберите место, где будет стоять Ваш “новый дом” – проставив на втором бланке, в выбранной Вами клетке необходимый номер. Вторую – контрольную карту спрячьте в конверт либо сшитый карман, запомнив месторасположение Вашего дома. У каждого игрока на столе должна остаться первая “карта города” ”.

Все участники по очереди приглашают гостей на новоселье, описывая как к ним добраться домой от центра города. Приглашаемые гости должны на своих картах проставлять номера домов друзей, которые их приглашают. По окончании приглашений происходит сверка правильности постановки нужных номеров. Тот, кто правильно понял как добраться в нужный дом (проверяется сверкой карт) возвращает хозяину пригласительную карту. Звание “самый гостеприимный хозяин” получает тот, кому вернулось большее количество пригласительных билетов, “почетным гостем” объявляется тот, кто смог везде побывать в гостях.

Участникам игры, которые не справились с заданием рекомендуется перед окончанием тренинга повторить такие фразы: “Никто не виноват в том, что я не смог пригласить гостей либо попасть в гости, мы просто не поняли друг друга. Получится в следующий раз”.

Образец бланка – “карты города”:

			@			